

ПОБЕДИТЕЛЬ

ДЕЛО ЧЕСТИ

Андрей ЗЕМЛЯНОЙ

Андрей Борисович Земляной
Дело чести
Серия «Победитель
(Земляной)», книга 3

doc предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69455638

Аннотация

Честь выше совести или она и есть совесть?

Почти все афоризмы придуманы автором и приписаны никогда не существовавшим людям, и историческим личностям.

Содержание

1	5
2	27
3	43
4	61
5	76
6	94
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Андрей Земляной

Дело чести

Победитель (Земляной) 3

Все афоризмы придуманы автором, и приписаны историческим персонажам и вымышленным людям.

1

Устойчивость любого государства определяется наличием людей, почитающих его благополучие превыше собственного.

Плиний – средний.

Всероссийский слёт юных разведчиков, пройдёт на острове Хачин, что находится на озере Селигер, Тверской губернии. В программе слёта не только соревнования юных следопытов в разжигании костров, постановке платок, оказании медицинской помощи, и многого другого, но и экскурсии в учебный полк первой гвардейской Егерской бригады, на Тверские аэролётные верфи, авиастроительный завод боярина Сикорского, Гвардейскую Бронеходную дивизию имени маршала Баграциона, и прочие интересные места.

Так же в лагере по вечерам будут показывать визиографические картины из коллекции Императорского Управления Передвижек, и проводить учебные занятия военные и гражданские специалисты.

На этот раз география приглашённых команд, будет самой обширной. От Владивостока и Камчатки на Востоке, до Верного на юге, и Мурманска на севере. И это, не считая постоянных участников – команд с Европейской части России.

Гостями праздника станут ветеран Особой

*Экспедиции Генштаба полковник Белоусова, и
генерального штаба генерал-лейтенант Врангель.
Русское Слово. Александр Амфитеатров. 5 апреля 1924
года.*

Российская империя, Астрахань, Дом Губернского Управления.

Губернатор Астраханской губернии Никодим Петрович Усольский – полноправный хозяин окрестных весей, городов, земельных угодий и десятков заводов, был в ярости. Ярость эта клокотала в нём огнедышащим вулканом, и выплёскивалась наружу словно вспышками пламени и вылетающими из жерла бомбами. И от того все чиновники Губернского Дома, попрятались по кабинетам, не подавая признаков жизни, и редкий смельчак мог выскочить из-за двери, чтобы проскочить словно мышка извилистым коридором, и быстро скрыться за другой дверью испуганно переводя дух. И всё потому, что Никодим Петрович мог в таком состоянии и чем тяжёлым запустить, а уж зуботычину так и вовсе с лёгкостью отвесить, и вообще учинить такое злодейство, от которого кровь стыла в жилах. И не привыкать бы к хозяйскому гневу, чиновному племени, но в этот раз всё было много злее, ибо генерал губернатор изволил не просто кидаться тяжёлыми предметами, а взял в руки револьвер, подаренный ему торговцами на день тезоименитства и до сих пор лежавший в ящике стола с другими бесполезными подарками. Гурий Саныч, полуглухой письмоводитель из Земельного От-

дела не успел узнать, или не понял ситуации и был увезён в больничку, с дыркой в плече. Хотя, старожилы Губернского дома авторитетно заявляли, что ещё легко отделался. Лет восемь назад, когда от известия, что рыбные промыслы теперь контролируют егеря, да ещё и прямого московского командования, под сюртук генерал-губернатору попала вожжа такого размера, что он таки добил несчастного курьера, чья вина была лишь в том, что появился пред очами начальника в плохое время.

Дело тогда естественно замяли, семье выплатили отступных, а тот револьвер привели в негодность, на всякий случай спилив боёк, да вот не углядели, и новенький Полкан – 23 белоусовской мануфактуры, громыхал по коридорам резиденции губернатора, и никто не знал, когда у того кончатся патроны.

А всё потому, что его человек обнаружил в вентиляции кабинета микрофон, и потянув за провод вытащил диковинное устройство, которое местный преподаватель физики определил, как новейший магнитофон компании Сименс.

Губернатор подумал немного, вспомнил какие разговоры вёл в кабинете, и натуральным образом взорвался, потому как ясно, что с таким компроматом долго не живут.

Но старый слуга губернатора, и доверенный человек во всех делах, Иаким Сорокин, из крещённых евреев, давно уже не боялся ни чёрта, ни бога, и спокойно поднявшись на тре-

тий этаж, нашёл потерянно бродившего Никодима Петровича, отнял у него оружие, и проводил в кабинет, заодно дав команду, старшему распорядителю канцелярии, чтобы тот выпустил людей по домам, да принёс кофе хозяину. Какая-ж работа в такой вот день.

Тем временем губернатор не отрываясь хлопнул три рюмки анисовой, одну за другой, и когда алкоголь наконец-то начал окутывать голову привычным дурманом посмотрел на помощника.

– Ну?

– Утёк, Никодим Петрович. – Сорокин развёл руками. – Кинулись к нему в номер, а тот – утёк. Нашли только прибор для записи звука, точно такой же как третьего дня здесь из стены вытащили, и микрофонов пяток. Стало быть, не с одного места подслушивал, ирод.

По документам – Гурий Семёнович Грушин, мастер по паровым машинам. Приехал на мануфактуру братьев Бочкарёвых, наладить им английскую машину. Машину кстати наладил. А после чинил технику на других заводах, да гулял с Машкой Копытиной, получившей жёлтый билет в апреле. Бабёнка та видная, ещё свежая, вот и окружила мужичка. Но тот, Гурий Семёнович, тоже не сморчок какой. Мужчина высокий, широк в плечах, да ладонь такая, что у молотобойца.

И стало быть он по вечерам, с этой Машкой шашни крутил, потом к себе в номер, и наши-то топтуны, те домой сразу, а он, видать подсыпал ей сонного порошка, да сам как

тать в ночи, лазал по Губернскому дому. Тогда-то и поставил вам машинку эту проклятую. – Иаким перевёл дух. – Но как он понял, что мы за ним следим, да ещё и так вовремя сдёрнул, понять не могу.

– Ты понимаешь, что там на этом аппарате могло быть? – Губернатор уже успокоился, но внутри него словно горел адский огонь. – Я же с кем только не разговаривал здесь, в этом кабинете! Хорошо, что с французом этим, на тайной квартире встречался. А то вот был бы нам всем страх.

– Да, беда. – Сорокин машинально перекрестился. – Здесь-то мы любой шум погасим, а если человек тот из Москвы?

– Так. – Генерал-губернатор, когда было нужно, соображал быстро. – Погода нынче ветреная, так что воздухом он не улетит. Посты на дорогах мы расставили, и автомотором ему тоже не уйти. Остался только магистральник¹. Сегодня с утра только один пассажирский был, который в восемь. Следующий пойдёт в девять вечера. Окружи весь вокзал своими людьми, и гляди всех, кто по росту подходит. Мнится мне, что личина, та, подставная была, и он уже переменял облик. Но рост не переменишь, так что смотрите в оба.

– Не хватит мне людишек...

– Сейчас полицмейстеру позвоню. – Никодим Петрович, взялся за трубку новомодного вытянутого телефона произ-

---

¹ Магистральник – поезд скоростного магистрального сообщения с колёй в 2.5 метра.

водства компании Русская Сталь. – Он в наших делах по самые уши сидит, так что людей даст. Но и ты не зевай. Ежели что, валите его, не раздумывая. За труп отчитаемся, а если те записи попадут куда нужно, всем будет цорес².

И уже когда подручный покидал кабинет, бросил вслед. – И эту, Машку, тоже с концами. Потом соорудишь им сцену ревности, да всё пусть судейские обснимут. Наверняка это дело будут ковырять, так пусть всё пойдёт по нашему сценарию.

Мария Ковалёва, оказавшаяся на улице после нового маменькиного замужества, была в общем не комнатным растением, а вполне бойкой девицей, не особенно переживавшей за вдруг обрётённую свободу. Тем более, что её больше никто не наказывал за мнимые и действительные прегрешения, не заставлял часами молиться стоя на коленях, и не рвал в клочья с трудом приобретённые книги.

Инспектор школьного надзора несколько раз вызывал её, наказывал и даже штрафовал, пока сама Ираида Степановна, увидев, как её муж с плотским интересом поглядывает на падчерицу не решила, что её дочери пора становиться совсем самостоятельной.

Жёлтый билет вместо паспорта она получила незаконно, и самочинно по решению местного околоточного надзирателя, присмотревшего Марию для личных забав. Но та не под-

---

² Цорес – Идиш. Беда.

далась на шантаж, и подрабатывала не в доме терпимости, а вполне прилично, на кухне небольшого ресторана, перебивая горы посуды, и драя полы в самом ресторане.

С Гурием Семёновичем – статным седовласым мужчиной лет шестидесяти, она столкнулась совершенно случайно идя ночью домой, хоронясь от любого шороха и до боли сжимая в потной ладонке столовый нож. Этот вычурный нож посеребрённой стали она умыкнула на кухне ресторана, и отдала на заточку, старому мастеру Анзору, что промышлял этим делом уже не первый десяток лет.

И когда она увидела спокойно идущего по улице мужчину в длиннополом лёгком пальто, и серой широкополой шляпе, в первую секунду просто остановилась, так как на этой улице, да ещё и ночью, приличных людей не водилось. Но глянув чуть дальше за спину мужчине, разглядела лежавших вповалку четырёх человек, одного из которых – лысого бандита по прозвищу Замок, она знала хорошо. Замок к ней тоже подкатывал, то грозясь всеми карами, то соблазняя её подарками и сладостями. Сам бандит был отчаянным отморозком которого сторонились даже местные урки, но вот, теперь этот страшный человек, лежал ничком, не подавая ни малейших признаков жизни, как и три его приятеля.

Тем временем, седой, уже подошёл ближе, и повернувшись к ней, прижал палец к губам, показывая, что нужно молчать, и через несколько секунд просто растаял во тьме переулка.

Следующая встреча, произошла в зале ресторана, где мужчина обедал. Тогда Мария увидела, как к нему пару раз подходил половой, занимавшийся сводничеством, как видно предлагал проститутку, но мужчина даже, не дослушав, выгонял полового прочь. И в какой-то момент, когда Мария смотрела на него, медленно повернулся оглядывая весь зал. А когда встретился взглядом, неожиданно улыбнулся, и пальцем сделал жест, подзывая её.

Ресторан «Белуга» был не самым модным, и богатым, однако, бедные люди сюда не заходили, и дамы были одеты соответственно. И вот теперь, через зал немаленьких размеров, шла на негнущихся ногах девушка, одетая с старую юбку мышинного цвета, и какую-то мешковатую рубаху вообще непонятной расцветки, словно кролик на съеденье к удаву, а дойдя встала не в силах сказать ни слова. Но к ним уже спешил метрдотель, строго смотревший на Машу, словно желавший одним только взглядом выбросить её из зала.

Но тишину первым нарушил седой, оторвавшийся от стерляжьей ухи. Подняв голову он, не смотря на мэтра произнёс на удивление звучным и мощным голосом.

– Любезный, должна ли эта девица, что-нибудь заведению?

– Нет господин. – Мэтр глубоко поклонился.

– Хорошо. – Седой всё так же, глядя куда-то вдаль, кивнул. – Тогда вот вам денежка. Приоденьте даму, да приведите в порядок, и чтобы через час, она сидела вот тут, напротив

меня, умытая, чистая, и одетая как леди.

На стол гулко брякнулась толстая пачка ассигнаций, отчего распорядитель ресторана согнулся ещё ниже, и словно фокусник, исчез, прихватив с собой деньги и девушку.

Для халдеев, желание человека способного шлёпнуть о стол двумя тысячами рублей – закон, и поэтому Машу, не слушая возражений, затащили этажом выше, где находились номера. Там быстро отмыли, чуть прикрасив, белилами и румянами, одели во вполне приличное платье, нежно розового цвета, и даже подобрали перчатки и шляпку в тон. Так что, когда девушка вернулась в зал, то уже ничем не напоминала золушку – посудомойку, а выглядела пусть не как принцесса, но вполне прилично, и даже за стол, села дождавшись пока официант пододвинет стул.

– Отлично. Просто отлично, и даже превосходно. – Седой посмотрел на Марию сквозь очки и улыбнулся, показав неожиданно крепкие и молодые зубы. – Позвольте представиться. Гурий Семёнович Грушин, инженер-механик по паровым машинам, и точной механике. Проживаю в Москве, имею свой выезд, и даже пару кресел во МХАТе. Это такой театр. – Пояснил он. – А про вас мне всё уже рассказали. И что матушка вас выгнала, и что полицмейстер вместо паспорта выписал жёлтый билет, и вообще всю вашу недолгую жизнь.

Говорил Гурий Семёнович, негромко, но голос, его роко-чущий словно дальние раскаты грома, что-то такое вызывал

в девушке, отчего хотелось просто замереть и сидеть с закрытыми глазами.

Ещё когда тётки из номеров, её намывали, самая старая, сказала тыча ей в грудь скрюченным пальцем: – «Не будь душой. Человек солидный, серьёзный, не шаромыжник какой, и лицом пригожий. А ещё, при деньгах, и положении человек. Один костюм такой пятьсот рублёв стоит. Может ты напомнила ему кого, может мордаха понравилась... Но такую оказию не вздумай упустить. Сделай всё что попросит, и даже больше, а уж он-то тебя отблагодарит, даже не сомневайся».

Поэтому, когда они оказались в роскошном четырёхкомнатном номере инженера, она сразу стала расстёгивать блузку, и была остановлена негромким смехом Гурия.

– Да ты, никак мне тут отдаться задумала, девица-красавица. – Он подошёл ближе, и с улыбкой стал застёгивать блузку обратно. – Знаешь, у меня пять подруг, и они шестую точно не переживут. Порвут и меня и тебя словно тряпку. Но мы же не хотим быть порванными словно тряпка? – Он снял очки, и Мария поразилась, насколько молодые глаза у этого уже полностью седого мужчины. – Так. – Гурий усадил Машу на диван и сам сел рядом. – Я нанимаю тебя на неделю. Твоя задача – появляться со мной в обществе, и делать вид что мы любовники. Ну, временами там тесно прижиматься, подставлять губы для поцелуя, и прочее. Видела, как воркуют влюблённые? Ну вот и отлично. А ночью, будешь спать. К сожалению, тут нет второй кровати, но я думаю, что неде-

лю мы можем поспать и в одной постели. Вести себя нужно чуть высокомерно, но не нагло, уверенно, но не нахально, и помни, что я в состоянии защитить тебя от любого в этом городе, и вообще от города в целом. Поняла?

– Да, господин Грушин.

– Отлично. Так ко мне и обращайся. – Гурий кивнул, и достав портмоне, отсчитал десять ассигнаций по сто рублей. Полугодовая зарплата инженера на кораблестроительном заводе. – Вот тебе на расходы, да не жмись. Оденься, как знатная дама, купи себе всяких штучек, типа сумочки веера, перчаток... Ну сама знаешь, что нужно. А не знаешь, так спроси.

Вымывшись в роскошной ванной, Маша быстро юркнула под одеяло на огромной двуспальной кровати, но Гурий всё не приходил, и измученная ожиданием девушка уснула.

Когда наступило утро, его опять не было, и только измятая подушка, говорила о том, что инженер ночевал рядом с ней, а не где-то ещё.

Так и повелось. Днём Гурий ездил по заводам и фабрикам, чиня то, что не смогли сделать другие механики потом они обедали, ехали куда-нибудь в публичное место, где проводили вечер. После ужина, и ехали в номер, где Маша, уже уставшая ждать, когда же будут покушаться на её девичью честь, засыпала.

Но в этот день всё было совсем по-другому. Гурий приехал днём, и приказав ей молчать, стал раздеваться у неё на

глазах, от чего девушку буквальным образом охватила нервная дрожь, потому что фигурой механик был словно цирковой атлет, с выпуклыми мощными мышцами, и гладкой ухоженной кожей.

Не обращая внимания на девушку, Гурий сначала разделся, потом уложил вещи в кофр, и повернувшись к зеркалу, одним движением, с хрустом снял лицо, словно отдирая пластырь, от чего Мария, просто упала без чувств, рухнув прямо на ковёр.

Когда она очнулась, рядом с ней стоял высокий подтянутый офицер, в мундире зелёного цвета.

– А где господин Грушин?

– Маша, не будь душой. – Сказал офицер голосом Гурия. – Это была маска. Сейчас на мне другая маска. – Николай поднял с пола, сморщенное лицо механика Грушина, от чего Мария вновь потеряла сознание, но на этот раз, отдыхать ей не дали. – Так, красавица, просыпайся, у нас тут серьёзные дела. – Он внимательно посмотрел на девушку, всё ещё пребывающую в сумраке, и плеснув на ладонь водой из графина, смочил ею лицо девушки. – Маша, если не соберёшься – сдохнешь. Ну умрёшь. – Николай аккуратно похлопал её по щекам, и она вдруг остро ощутила опасность, которая словно наваливалась на неё. – Вижу, что очухалась. Значит так. Я сейчас тебя загримирую, ну сделаю из тебя другого человека, и мы с тобой поедem в одно место, где я тебе дам денег, и мы расстанемся. Рекомендую сразу уехать из города. Денег

тебе хватит. Ну, что?

– Да гос...

– Меня сейчас зовут Николай Добровольский. Старший лейтенант Смоленского Егерского полка. Запомнила? Отлично. Теперь давай из тебя делать даму полусвета.

Из гостиницы они вышли через служебный вход, где никому не было дела до офицера выводившего даму средних лет, с чуть усталым, но всё ещё красивым лицом. Тут же поймали извозчика, и доехали до маленького домика на Флотской улице.

Николай положил перед Марией пачку денег, в которой было не меньше десяти тысяч, и снова стал быстро раздеваться, и достав из саквояжа, ещё одну маску, стал аккуратно и осторожно прилаживать её на лицо.

А Маша, в душе которой нарастал настоящий ураган, смотрела то на пачку денег, которую небрежно бросил перед ней Николай, то на него самого, превращающегося в старика, с морщинистым лицом и плешивой головой, то на сбрую с большим пистолетом.

– Ты шпион?

В ответ Николай негромко рассмеялся, и распахнув ворот рубахи достал блеснувший золотом жетон.

– Слово и дело. Особое управление Тайной канцелярии.

– Ого. – Мария покачала головой. Слухов о тайной канцелярии ходило предостаточно один другого страшнее, а про Особое Управление, которое в уголовной среде называлось

коротко «Стая», слухов было поменьше, но ужасов тоже хватало. Даже удивительно как это у ОсобУправца не растут клыки и нет хвоста, с копытами. – А возьми меня с собой? – Она невидяще уставилась в пол перед собой, даже не очень понимая, что сама сейчас сказала, но по тому что вдруг стихла возня, у зеркала, догадалась что её услышали.

– Пристроить тебя в Москве я конечно смогу. – Николай возобновил возню с гримом. – Но я так понимаю, что ты желаешь быть непременно столбовою дворянкой или вообще, владычицей морскою, и чтобы золотая рыбка у тебя на посылках?

– Столбовой дворянки будет достаточно. – Тихо, на грани слышимости, произнесла девушка и сама ужаснулась своей смелости, но в ответ услышала лишь короткий смешок.

– Хорошо. Сдам я тебя одному вздорному старику, в очень интересное учебное заведение. Будешь примерно учиться и честно служить, личное дворянство лет через десять получишь гарантированно. Но смотри. Если предашь страну, найдём из-под земли.

Последнее было сказано спокойно и размеренно, но так, что Мария очень остро ощутила смерть, стоявшую за спиной этого странного мужчины.

К отправлению магистрального тепловоза, на вокзал стекались не только будущие пассажиры, но и просто зеваки, потому как широкую колею довели в Астрахань совсем

недавно, и огромные паровозы, и вагоны, высотой в восемь метров, ещё не стали привычным пейзажем. Удовольствие было не из дешёвых, особенно если ехать первым и вторым классом, но оно того стоило. Роскошные двух и трёхкомнатные купе, с прикреплённым к ним проводником, и даже воздушный рефрижератор, позволяющий в самую жару, наслаждаться прохладой, и многие другие чудеса, делали поезд престижным и модным транспортом, не уступающим аэролётам.

Поезд Астрахань – Москва, стал популярным благодаря купцам, съезжавшимся со всего побережья Каспия, из стран Ближнего и Среднего Востока, а также Афганистана, Пакистана и Индии. Один из старых маршрутов «Великого Шёлкового Пути», который внезапно оживился благодаря магистральной линии до Москвы, откуда не покидая вагона можно было проследовать до Германии, где кончались рельсы магистрального стандарта.

Но была ещё одна категория пассажиров, которые предпочитали пользоваться именно этим маршрутом. Старейшины многочисленных арабских и индоевропейских племён, достаточно богатые чтобы оплатить лечение в роскошных Российских и Европейских клиниках, под присмотром сестёр из монашеского сестринства «Странствующих», нередко в сопровождении охраны, приплывали и приезжали в Астрахань для дальнейшего путешествия с комфортом.

Кроме зевак, и пассажиров, в тот вечер на вокзале было неожиданно много полиции и в форме, и в штатском, патрулей военных моряков, и совсем неприметных личностей, которые человек бывалый сразу бы отнёс к криминалитету. Причём между всеми тремя группами шло постоянное движение, что уже было достойно удивления, и часто бывало так, что при проверке документов полицейским патрулём, рядом тёрлись уголовники, что уже точно не лезло ни в какие ворота.

Старика в белоснежном паколе³ которого катила на инвалидной коляске женщина в одеянии францисканской монахини, заметили сразу, но к нему даже никто и не подошёл. Жителей афганистана – пуштунов, хазрейцев и таджиков, не то, чтобы боялись, но старались обойти стороной, так как характер те имели крайне вспыльчивый, оружием владели отменно, а на кладбище никто из разумных людей, раньше времени не спешил.

Поэтому старик спокойно проследовал к вагону, где его сразу подхватили на руки пара дюжих проводников, и со всей вежливостью занесли в вагон первого класса, оставив в роскошном трёхкомнатном купе, вместе с монахиней.

Время шло, час отправления магистрального поезда всё ближе, а нужный губернатору человек, так и не появился.

---

³ Паколь – Традиционная шапка в Южной Азии. В России известна под названием пуштунка или афганка.

Суэта на площади начала усиливаться и с первым сигналом об отправлении достигла максимума, когда Иаким Со-рокин, принял волевое решение, посадить в поезд два десятка урок из самых отчаянных, чтобы те прошли весь состав из конца в конец, в поисках подсыла.

Поезд ещё не тронулся, когда Николай, спокойно сидевший в кресле-каталке и глядевший в окно купе, встрепенулся, и посмотрел на Марию.

– Переходим к аварийному плану.

– Что это значит? – Маша встревоженно посмотрела за окно, но ничего кроме бегающих по перрону людей не увидела.

– Это значит, что придётся немного пошуметь. – Николай встал, и не торопясь стал снимать маску, и уложив её в специальный мешочек, протёр лицо салфеткой, убирая остатки клея, и начал переодеваться.

Через десять минут, вместо старого пуштуна, перед Марией стоял молодой мужчина атлетического сложения, в белоснежной рубашке, и даже с некоторой причёской на голове. Затем надел странный жилет, который даже со стороны казался плотным и тяжёлым, не торопясь нацепил сбрую с кобурой, проверил как сидят магазины в кармашках справа, и накинул пиджак.

– Понимаешь, те кто сейчас сел в поезд, я имею в виду незапланированных пассажиров, будут разбираться жёстко.

Дёргать за бороды, трогать за лица, и прочее, в поисках нас с тобой. Ну а раз так, не будем ломать спектакль. Следующая остановка Царицын, через три с половиной часа. Нам собственно только до Царицына и продержаться, а дальше будет легче. – Говоря это, Николай достал из багажного отсека один из чемоданов, вытащил оттуда автомат ДКА, под маузеровский патрон, с огромным дисковым магазином, и стал прикручивать к нему плечевой упор. – Кстати, это даже хорошо, что мы в хвосте вагона. Меньше риск зацепить кого-нибудь из посторонних. Но ты я смотрю, не истеришь, не бледнеешь. Это в принципе хорошо. – Николай принёс в гостиную из спальни два матраса, и скрутил их в плотный рулон, стянув галстуками. – Как стрельба пойдёт, сразу прыгай за укрытие. – Он стволом показал куда. – Пуля такую скрутку не пробьёт, так что не переживай.

– А вы, как же?

– А я, заговорённый. – Он внимательно посмотрел на попутчицу, неожиданно улыбнулся и подмигнул.

На вызов, проводник отозвался мгновенно, что было не удивительно потому что на верхнем этаже вагона, было всего три купе, и три проводника.

– Доброго вечера... – Николай сделал паузу, и проводник, пожилой мужчина в чёрной железнодорожной форме с серыми выпушками, пышными седыми усами и роскошными бакенбардами, правильно её истолковав быстро сказал.

– Егор Никанорович мы.

– Егор Никанорович. Мы вот как на грех, не пообедали да не поужинали. – Николай широко улыбнулся. Найдётся чего поесть в пути?

– А то как же, господин хороший. – Проводник гордо поправил форменную фуражку. Ресторан же. Там и уха, стреляжья, и вообще, чего пожелаете.

– Ухи я в Астрахани на три жизни наелся, а вот супчику бы куриного, да на потрошках, попробовал с удовольствием. Да на второе что-нибудь. И всё на двоих, и быстро, потому как минут через сорок, будет здесь шумно, и до невозможности грязно.

За час, прошедший с момента отправления поезда, люди Сорокина обыскали почти весь поезд, спровоцировав бессчётное количество скандалов, и даже драк, когда они нарвались на компанию горцев, и большую казачью семью, но все скандалы удалось погасить, вовремя кинув денег всем обиженным, когда прибежал один из шестёрок, и принёс информацию о пассажире в шестом вагоне.

Своих людей, которые разбрелись по всему составу, удалось собрать не сразу, но когда подручный губернатора сам выдвинулся к месту сбора, то не досчитался всего двоих.

– Это что за митинг, прости господи. – Раздался уверенный голос и обернувшись Сорокин увидел пожилого проводника, идущего с подносом полным пустой посуды, как раз со

стороны нужного купе.

– То, не твоя печаль служивый. – Иаким небрежно сунул сотенную купюру в карман форменного кителя. – Иди к себе да не вылезай, на шум. Всё понятно?

– А чего-ж непонятного. – Проводник неожиданно усмехнулся, поправил фуражку, и скрылся за дверью служебного купе.

В вагонах класса люкс, не было никакой необходимости экономить место, и поэтому двери в купе открывались обычным образом, а не отъезжая в сторону как в новомодных вагонах Пульмана.

Поэтому бандиты, стоявшие с оружием в руках, скопились в коридоре, с одной стороны.

Курень – старый урка начавший свою преступную карьеру ещё при царе Алексее, уверенно постучал в дверь.

– Откройте полиция, проверка документов.

Дверь на секунду приоткрылась, чья-то рука сгребла Куреня за грудки и мгновенно втащила внутрь купе.

От неожиданности, у бандитов переклинило, и они словно ополоумевшие начали стрелять в дверь, превращая её в решето.

Конечно пробив сталь и толстую кожаную обшивку мягкие револьверные пули теряли в убойной силе, но Куреню, который собрал своим телом весь свинец, было уже всё равно.

Тело бандита содрогалось от десятков попаданий, матрас

брызгал клочками ваты, а девушка, забившаяся в щель словно мышка, крепко сжимала в руке столовый нож.

Стоило канонаде стихнуть, как дверь купе распахнулась и оттуда вывалился Курень, с дымящейся спиной, и упал словно колода, навзничь раскинув руки.

Бандиты не таскали с собой запасных магазинов и устройств для быстрой перезарядки барабанов. Максимум – патроны россыпью в кармане, и сейчас внезапно оказавшись безоружными они лихорадочно перезаряжали револьверы и пистолеты, вытряхивая пустые гильзы из барабанов, и затапливая патроны в магазин.

Но вслед за Куренём уже шагнул молодой мужчина, с автоматом в руках, и без разговоров открыл огонь в упор. Пятьдесят пуль, в относительно узком коридоре вагона это много, да ещё и когда стоявшие сзади попытались сбежать, вдруг оказалось, что двери, ведущие из вагона заперты... В общем не ушёл никто, включая Иакима Сорокина, которому пришло сразу пять пуль. Три от Николая, и парочка от тех, кто начал от страха палить сзади.

Николай уверенным движением сменил магазин, и переворачивая тела одно за другим, сделал контроль, добывая раненых.

– Господа, всё уже кончилось. – Громко объявил Николай, и первым к месту побоища вышли проводники, один из которых увидев расплывающуюся лужу крови, сразу же мет-

нулся в туалет, рассказать унитазу о пережитом ужасе.

*Мы сильны там, где уверены, мы добры там,
где спокойны, и изысканны там, где равнодушны.*

Влад Цепеш. Заметки на стенах замка.

В Рейхе набирает вес и размах, патриотическое движение Молодая Германия. Стрелковые клубы, гоночные и спортивные секции, и даже школы пилотов множатся по всей стране, привлекая всё большие и большие немецких юношей к занятиям спортом.

Испанские анархисты, роль и значение которых было весьма высоко, после встречи с Королём Испании объявили об отказе от вооружённой борьбы и о переносе её в залы парламентской ассамблеи, и на страницы газет.

Жизни каждого испанца важны, и дни гражданского противостояния 1909 года не должны повториться, заявил Франсиск Ферер И Гарда.

Британское морское министерство представило палате Лордов во вторник программу строительства флота, которая была скорректирована по требованию короля и комиссии по морским делам. Но и в урезанном виде, программа есть весьма амбициозный план по строительству десяти линкоров, и тридцати кораблей других классов, которые должны прийти на замену утерянным в ходе боевых действий.

Варшавская Gazeta Polska, вышла в субботу со скандальной статьёй, «Сколько времени нужно польскому солдату чтобы дойти до Москвы и Берлина». Не в первый и не в последний раз поляки ведут себя словно изнеженный подросток, мечтающий о военной славе.

В Париже разгорается скандал, связанный с отказом от гражданства и нежеланием возвращаться на территорию Франции, бывших французских шпионов майора Жослена де Фиори, и лейтенанта Катарины Пейрак, – сотрудников Второго Бюро Французского Генштаба⁴.

Отказ от возврата, был озвучен вышеозначенными господами публично и при стечении журналистов. Присутствующий здесь же врач американского посольства подтвердил стабильное психическое состояние Жослена де Фиори и Катарины Пейрак, после чего они покинули зал в сопровождении охраны.

Таким образом громкая компания за освобождение двух пойманных шпионов закончилась громким и неприятным фарсом, в котором Французской республике вновь указали их место.

Иностранная панорама. 7 апреля 1924 года.

Российская империя, Москва.

Для прибытия магистральных составов в столицу было построено два огромных вокзала на дальних подступах к Москве. Западный и Восточный, соединявшиеся между со-

---

⁴ Deuxième Bureau – Разведка французской армии.

бой Кругомосковской дорогой. От вокзалов до города можно было доехать трамваем, или на такси, но у Николая, на стоянке был припаркован собственный лимузин, огромный и роскошный, словно только что сошедший со страниц модного журнала.

Белоусов сначала завёз Марию в гостиницу, где оставил вместе с вещами, а после поехал на отчёт.

Его новый начальник – генерал-лейтенант Каледин, вынырнувший откуда-то из недр агентурной разведки, был немногословен, собран и деловит, и за полгода успел заслужить немалый авторитет среди сотрудников Особого Управления Тайной Канцелярии.

Происходивший, как и Белоусовы, из донских казаков, генерал был настоящим асом во всём что касалось тайных дел, сбора информации и Николай никогда не упускал возможность поучиться у настоящего специалиста.

Вот и в этот раз, положив на стол перед генералом собственноручно написанный отчёт, и огласив его содержание устно, ожидал разбора операции.

– Садитесь голубчик. – Генерал потёр кончиками пальцев уставшие глаза, и неожиданно улыбнулся. – Ждёте небось, что я буду вас ругать за провал? – Он негромко рассмеялся, и прижав клавишу интеркома, бросил коротко. – Чаю. – Затем откинулся на спинку кресла, и заложил руки за голову. – Я, если хотите знать, под ваш шум целых три операции провернул. Для начала узнал кто из наших сливает ин-

формацию о негласных проверках на сторону. Затем выяснил, кто из полицейских чинов замазан в контрабанде ну и напоследок, сожрал с потрохами начальника третьего отдела Канцелярии, который был посредником между дельцами и судейскими. А то, что вас сразу вычислили, так то, заслуга капитана Бочкарёва сдавшего вас с потрохами. Правда он не знал кто от нас поедет, но люди губернатора были что называется на стрёме, и вас быстро нашли. Удивительно другое. – Алексей Максимович, благодарно кивнул адъютанту, поставившему на кофейный столик поднос с чайным прибором. – Как вы вообще сумели что-то там записать?

– Дак, если бы просто, что-то, то и беспокоить бы вас не стал, господин генерал-лейтенант. – Николай уже достал из коробки, что принёс с собой, портативный аппарат звукозаписи Сименс, собранный на миниатюрных радиолампах. Аппарат был размером с кирпич, и весил примерно столько же, но по сравнению с огромным Аудионом Понятова, это был даже не шаг вперёд, а гигантский прорыв. Естественно, когда Николай узнал о существовании такого устройства, сразу же заказал на Технический Отдел пять штук, а для себя лично тоже прикупил парочку, сразу подарив отцу один прибор.

Кроме как записывать звук, аппарат ничего не умел, но, когда Николай вставил в стационарный аудион маленькую катушку, в кабинете сразу чётко и ясно зазвучали голоса.

Два человека, один из которых имел явно выраженный акцент, спокойно и деловито обсуждали поставки из Франции

красок, бумаги и прочего потребного для продолжения работы цеха, печатавшего фальшивые деньги.

– Голос пониже – генерал губернатор Астрахани Николай Петрович Усольский, а тот что с акцентом – подданный французской республики Гастон Валуа. – Николай положил на стол перед генералом фотокарточки с лицом француза и фотокопию его паспорта. – Беседовали в доме купца Уточкина, который к их делам имеет прямое отношение, но не полностью в доверии. – На стол легла ещё одна фотокарточка.

Генерал молча встал, прошёлся по кабинету поскрипывая подошвами ботинок, перемотал запись, и снова прослушал её, затем бесцеремонно отнял у Николая коробку, с фотографиями и записями, посмотрел на часы над сейфом, и ненадолго задумался.

– Так, князь, сейчас займитесь своими делами, и будьте готовы переодеться в парадное вне строя. – Он пристально посмотрел в глаза Белоусову.

– Слушаюсь господин генерал-лейтенант.

Мария не успела ещё распаковать свои вещи, как за ней приехали из Московского представительства Братства, и увезли в хозяйство отца Макария, приобретать интересную, но опасную профессию, а Николай отправился сначала к себе в кабинет, и проверив как без него шли дела, переделался в форму и уехал в контору Русской Стали, которая требовала

внимания больше чем Технический Отдел.

Для сотрудников Русской Стали, было уже не в диковину видеть своего хозяина в мундире Тайной Канцелярии, и сиянии орденов. Но дамы, всё никак не могли успокоиться. Юбки становились всё короче, каблучки всё выше, а вырез на блузке всё глубже, пока исполнительный директор компании, Пётр Разумовский, не навёл порядок, точно описав форму одежды сотрудника компании, определив до сантиметра размеры допустимой фривольности, и строго приказав, ограничиться на службе тенями для глаз, а про прочую косметику забыть вовсе.

Так и повелось что в среде московских донжуанов контору Русской Стали называли не иначе чем «Цветник», и частенько бывало, что дамы, уставшие бежать за главным призом, уезжали вечерами в модных автомоторах своих ухажёров.

Самому Николаю, не было никакого дела, до этих скачек, хотя волнительные формы, некоторых дам, и вызывали у него определённый интерес, но добавлять к уже имеющимся пяти проблемам новые, он не имел никакого желания. Чудо что предыдущие всадники апокалипсиса, как-то смирились со своим существованием, и особо не устраивали по этому поводу скандалов. Но увеличивать их количество, было уже явно чересчур.

Вот и крепился подполковник, позволяя себе лишь заинтересованные взгляды, и не более.

К счастью, вся эта возня не ухудшала работу конторы, и

дела двигались ходко. Оружейное производство, выделенное в отдельное предприятие «Русское Оружие» развивалось достойно, и готовило к выпуску ещё парочку новинок. Дамский пистолет «Защитник», и мощный десятимиллиметровый пистолет, с огромным двадцатипатронным магазином «Каратель» который предназначался специально для офицеров таможенной службы, досмотровых партий, десантников, и всех тех, кто захочет иметь при себе пистолет, гарантированно поражающий с одного выстрела. Тонкостенная стальная пуля с мягким свинцовым наполнением, раскрывалась в теле в блин размером с полтинник, вызывая болевой шок и почти гарантированную смерть.

А ещё была образована компания Русская Связь, занимавшаяся производством телефонных аппаратов, радиостанций, и всего прочего. Знакомство с академиком Иоффе, не кануло бесследно, и Николай за свой счёт выстроил для академии наук радиолaborаторию, оснащённую самой передовой техникой, и укреплённую словно форт.

А в качестве ответной любезности, на промышленных площадках Русской Связи, отработывалось производство новых радиоэлементов, делались многие детали для заказных приборов, и как результат – всё производство новейших радиостанций, тоже сконцентрировалось на заводах Николая. А так как он был действующим офицером Тайной Канцелярии, все вопросы безопасности и прочее, решались куда проще чем у других промышленников. Тем более что секретной

частью, в Русской Связи занимался отставной контрразведчик из генштаба.

Ещё в отдельный узел выделились магазины, торговавшие товарами для охотников и рыболовов, которых у него было уже пять штук. Два в Москве, и по одному в Нижнем, в Петербурге, и Казани. А ещё, появилась компания на паях Русский Щит, занимавшаяся охраной, и сыскной деятельностью. Компаньонами по этому делу стали отставной сыскарь Кошко и известный адвокат Ульянов, пописывавший в газете Русское Слово статейки под псевдонимом «Ленин». Первоначально они вели дела вдвоём, но слегка зарвались, и протанцевали по мозолям таких монстров, что пришлось срочно искать укрытие от непогоды. И тут Ульянов вспомнил о тогда ещё бояриче, которого вытащил из тюрьмы, и у которого сейчас всё очень даже неплохо. Даже не считая родного батюшки, который ведал безопасностью высочайшей семьи, и по слухам являлся одним из «Тридцати трёх» – ближников государя, и матушки, что стала одной из близких подруг царицы.

Когда Николаю изложили суть, он предложил на выбор несколько вариантов. Формальное партнёрство, а фактически просто работу под прикрытием, и за это партнёры – Кошко и Ульянов занимаются делами Белоусова в первую очередь, но по общим расценкам, и действительное партнёрство, когда Николай выделит из своих средств оговорённую сумму на развитие дела, и со своей стороны будет прикры-

вать неугомонную парочку от возомнивших о себе начальников. Но и разумеется получать свою долю прибыли.

Оба, и Кошко и Ульянов не сговариваясь приняли второй вариант, что стоило Николаю двух миллионов рублей, но зато, он фактически приобрёл действующее предприятие, с готовым персоналом, и руководством.

А охранный бюро в свою очередь, получило постоянную работу в виде защиты многочисленных предприятий, возможность припасть к кадровому резерву Казачьего землячества, и много других ценных моментов.

Ну и самое главное, даже самые непонятливые сразу сдавали назад, видя на визитке название «Русская Сталь» с гербом уже известным всей Москве. Потому что генерал-майор, князь Белоусов – старший, это конечно сила, да. Но княгиня Белоусова ставшая правой рукой царицы, и получившая звание генерал-дамы, что было высшим женским званием в придворной иерархии, тоже значила очень многое. Ну и сам Белоусов – младший, про которого ходили слухи один другого страшнее. В том числе и о его связи с цесаревной Любовью. Кто-то из слуг проболтался, и молва пошла гулять по России. Но молва аккуратная. Мол, любят они друг друга, но встречаться из-за царя не могут. Так что и языки можно было почесать, и без урона чести царской фамилии.

Поэтому никакие кулуарные войны были невозможны. Только суд, и естественно лишь в ситуации, когда чувствуешь себя полностью правым. Ибо как писал в своё время им-

ператор Алексей, только с правдой в руках, можно одолеть любую силу. А как воевать с такой семьёй, особенно если по закону ты вовсе неправ?

А ещё в хозяйстве Николая добавилось небольшая, но уже довольно известная организация, – женский боевой клуб, где Като, и дядька Михалыч, организовали обучение женщин всех возрастов боевым искусствам, и стрельбе. И назывался клуб, что характерно – Русская Сила.

Название придумал российский подданный японского происхождения, Като Фудзивара, и очень гордился этим. А Михалыч, хитрый змей, подстроил драку одной из своих лучших учениц – с виду сублильной девицы подросткового возраста, с парочкой подвыпивших мастеровых.

Скандал получился на загляденье, особенно когда эти два мужичка подали на девочку в суд, за нанесённые побои.

О школе, где девочек учат отбиваться от громил, узнала вся Россия, и перед входом в зал, часто можно было увидеть дорогие автомоторы, с княжескими гербами, и вообще крайне солидных господ, ожидающих своё чадо с занятий.

И опять о Белоусове – младшем судачила вся Москва, рассуждая, как в столь юном возрасте можно находить нужных людей.

Обложившись документами, Николай быстро просмотрел выполнение текущих контрактов, попутно взгрел письмоводителя, задержавшего нужный документ, похвалил и награ-

дил службу сопровождения грузов, за пойманных воров, связался с доктором Владимиром Фёдоровичем Миткевичем, который занимался металлургией в его лабораториях, и получил приятное известие, что новый сорт стали для стволов, уже отправлен в плавильный цех, и скоро начнутся отработка промышленной технологии.

Кусок земли, который ему подарили Проскурины-Гореловы за спасённую девочку, оказался огромным, и сначала Николай действительно хотел сдать там гоночный автодром. Но такие трассы вокруг Москвы уже существовали, а вложений она требовала серьёзных, и проект сам собой затих. А затем понадобилось место для размещения радиолaborатории, опытного литейного производства вместе с металлургическим цехом, оружейного конструкторского бюро и физической лаборатории, и через год, там вырос целый городок из лабораторий разного назначения, гостиницы для приезжающих специалистов, домов для тех, кто живёт постоянно, магазинов, школы, отделения связи, дежурной части, охранной команды, пожарной части, и конечно же высокого забора, который постоянно обходили вооружённые сторожа с собаками.

Дома и городок в целом были построены по проекту известного архитектора и инженера Шухова, и светила российской архитектуры Алексея Викторовича Щусева, которые создали настоящий шедевр, правда при этом категорически не уложившись в смету.

Фактически они построили муниципальное образование в частном владении, но с другой стороны, земля эта была его собственностью, как и каждое строение на ней, так что со стороны закона всё было в порядке. Хотя чины коллегии образования, всё же выбили право инспекций школы, а иначе грозились отозвать право присваивать аттестат государственного образца.

В городе не закрывали двери на ключ, а дети свободно шныряли по всей территории, исключая конечно вредные и опасные производства, а между городком и столицей курсировала пара автобусов.

Журналисты уже успели прозвать научно-производственный центр – Дивногорском, и к удивлению Николая, это название вскоре появилось на государственных картах, закрепившись фактическим порядком.

– Николай Александрович? – Раздался из интеркома голос секретаря – серьёзной дамы лет сорока, в совершенстве владевшей делопроизводством, и искусством незаметно управлять делами.

Белоусов перекупил её по случаю у московского представительства Швейцарского банка, и не жалел ни секунды.

– Нина Сергеевна?

– Курьер из дворцовой канцелярии. Впускать, или пусть чаю попьёт?

– Давайте впустим, а чай он сможет попить после.

Как и ожидал Николай, это был приказ следовать на доклад к государю к двум часам пополудни, до чего оставалось тридцать минут. Уж какой там чай.

— Господин прапорщик? — Николай поднял взгляд от приказа. — Вы на транспорте? Могу подбросить вас до Кремля.

— Буду весьма благодарен, господин подполковник. — Егерь коротко поклонился и звонко щёлкнул каблуками. — А то нашу развозную машину, пришлось отпустить.

Кроме генерала Каледина в просторном холле приёмного зала были ещё князь Орлов, председатель коллегии Внутренних дел князь Хвостов, начальник Генштаба генерал-полковник Духонин и руководитель Особой Экспедиции Генштаба генерал-майор Дроздовский.

Конечно, присутствовать на таком собрании Николаю было совсем не по чину, но, когда дело касалось политики, в ход порой шли совсем хитровыгнутые расклады.

Всех присутствующих, кроме Дроздовского Николай хорошо знал, и вежливо поздоровался, напоследок представившись Михаилу Гордеевичу.

— Рад знакомству, князь. — Рукопожатие генерала было крепким и цепким, словно капкан. — Даже странно что мы с вами никак не встречались. Я же тоже временами летаю. Правда не на Тушинском поле, как вы, а в Видном. Это на юге от столицы.

— Весьма лестно. Я тоже рад знакомству, господин гене-

рал-майор. Кстати, Видное – отличный аэродром, но, если вдруг захотите опробовать Сикорского двадцать четыре, милости просим к нам в Тушино.

– Экспериментальный скоростной бомбардировщик? – Дроздовский прищурился.

– Скорее ударный штурмовой самолёт. Так сказать, штурмовик. – Николай улыбнулся. – Достался мне как результат спора с Игорем Ивановичем Сикорским, который утверждал, что его СИ – двадцать два, не сможет зависнуть в воздухе. Ну а я это сделал, правда при этом немного смухлевал. – Николай рассмеялся. – Я загнал истребитель на вертикаль, прямо у земли, и когда он исчерпал инерцию подъёма, дал полный газ. Ну и секунды три, висел неподвижно.

– Что-ж. – Генерал тоже улыбнулся. – С удовольствием принимаю ваше предложение. Когда ещё можно будет полетать на машине, ещё не принятой в производство.

– Так меняйте дислокацию, господин генерал-майор. – Предложил Николай. – У нас же штатная испытательная площадка Академии Можайского, конструкторское бюро самого Жуковского, да лётно-испытательная площадка конструкторского бюро Сикорского. Что-то новенькое постоянно выкатывают. А если подружиться с механиками, то будете знать о выкатке, раньше, чем конструкторы.

– Господа, прошу пройти в зал. – Адъютант царя, генерал-полковник Демидов, распахнул створки высоких дверей приглашая всех войти и сразу отошёл, заняв место за правым

плечом государя – императора.

– Господа. Суть дела, которое заставило меня оторвать вас от исполнения обязанностей, весьма простое. – Сергей первый внимательно оглядел всех присутствующих. – Поступила неопровержимая информация, о наличии в Астрахани мастерской по изготовлению поддельных банкнот банка России, организованной контрабанды через границу, и многих других преступлениях. Действовать нужно решительно и широко, с тем, чтобы никто из виновников не смог покинуть Россию. Начнём с вас, Николай Николаевич. – Рюрик повернулся к Духонину.

– Части особого назначения егерского корпуса, линейные подразделения и военная полиция, уже на границах губернии, и готовы к выдвижению. Поднятые по тревоге части имеют всё необходимое для автономных боевых действий в течении трёх дней.

– Ну, войны я надеюсь не случится, а снабжение войск ваша задача.

– Слушаюсь, государь. – Духонин кивнул и сел.

– Коллегия внутренних дел?

– Государь. – Александр Алексеевич Хвостов, встал. – Боевые подразделения полиции и спешно сформированные летучие команды сыскной полиции и охранителей, ждут в часовой готовности. Общий срок прибытия по месту – пять часов.

– Князь Орлов? – Государь посмотрел на главу Тайной

Канцелярии.

– Наши боевые группы уже на месте, и осуществляют общий контроль. Численность групп – пятьсот восемьдесят человек. В течении трёх часов мы готовы перебросить воздушным транспортом ещё тысячу триста бойцов, в штурмовой экипировке.

– Солидно. – Император кивнул. – Особая Экспедиция?

– Людей у нас немного. – Михаил Гордеевич, снял с лица очки и положил перед собой. – Поэтому мы организовали с Тайной канцелярией единый центр управления, боепитания и снабжения, и уже переправили сто десять наших специалистов в город. Они блокировали губернатора, и готовы к его аресту.

– Отлично, господа. – Сергей кивнул. – Выражаю всем присутствующим своё глубокое удовлетворение. Командующим операцией назначаю князя Орлова. Все подразделения и агенты должны будут подчиняться ему беспрекословно. Упустите кого – отвечать будете все вместе. Письменный приказ об особых полномочиях, и начале операции получите у Павла Егоровича Демидова. Жду от вас согласованной и результативной работы. Император встал, и сразу же поднялись все присутствующие. – Если вопросов нет, я вас не задерживаю. – И когда генералы потянулись на выход, Рюрик, бросил:

– А вас, князь Белоусов, я попрошу остаться.

3

Если человеку не за что умереть, то и незачем жить.

Полковник отдельной казачьей бригады Емельян Пугачёв.

Война, прокатившаяся по Европе, отгремела шесть лет назад, но всюду её следы. И на полях в виде неубранной, сгоревшей военной техники, и в городах, даже в центре, наскоро разбитые скверы, там, где раньше стояли дома, повальная нищета, и преступность, что охватила городские кварталы Франции, Англии, Бельгии и других стран.

В этом ряду, Германская империя, или как немцы сами говорят Рейх, выглядит очень достойно. Благодаря отличной работе полиции, и рабочих дружин, уличная преступность сведена к ничтожно малым величинам, а такой спутник бедности как проституция, загнан на самые задворки городов, и существует под жесточайшим контролем полицейского и медицинского комиссариатов.

Германия необыкновенно быстро восстановила свою столицу – Берлин, воспользовавшись разрухой в совершенно практическом смысле, расчистив центр от традиционной европейской скученности, и расчертив город новыми, широкими проспектами, скверами, и

транспортными магистралями.

Берлин двадцать четвёртого года это современный, и устремлённый в будущее город, где есть место творческой интеллигенции, инженерам, и рабочим, словно живое исполнение наказа канцлера фон Бюлова – Империя дом для всех.

Berliner Morgenpost, 8 апреля 1924 года.

Российская империя, Москва, Кремль.

Пройдя по переходам Большого Дворца, Сергей вошёл в сад под стеклянной крышей, и присев в кресло у накрытого столика сделал приглашающий жест.

– Садитесь, Николай Александрович. Будем чаёвничать. Полагаю, что вы ещё не обедали, и хоть так, червячка заморите.

– Благодарю за честь государь. – Николай сел на краешек кресла.

– Ну-ну, голубчик. Расслабьтесь. – Рюрик раскатисто захохотал. – Ругать вас не за что. Образцовое исполнение долга, и даже более того. Фотографии эти, да аудиозаписи, привели генерального прокурора в настоящую ажитацию. И кстати, он отметил, что с некоторых пор, обвинительные материалы по делам Тайной Канцелярии имеют весьма основательные, и как он сказал «непробиваемые» доказательства в виде фотографий высокого качества, записей голосов, отпечатков пальцев, и прочего. Очень интересовался, что такого произошло у Тайников, что так изменился подход к до-

казательной базе. Так что не за одно дело вас хвалить нужно, но за создание своими руками ещё одной точки опоры законности в империи. А вот это уже дело государственное. Так что примите как промежуточный итог моего одобрения, орден Святого равноапостольного князя Владимира первой степени с мечами и дубовыми листьями, как знак государственных заслуг. – Рюрик повернулся направо, и сразу же перед ним возник личный адъютант с бархатной коробочкой, и указом о награждении в сафьяновой папке. Но прикалывать к кителю Николая не стал, просто положив и папку, и коробочку перед ним на стол. – Это вам за Астрахань. Вскрыть фальшивомонетчиков, да ещё живших под губернаторской поддержкой, дело очень серьёзное. Хотя, все ваши дела, пустяковыми не назвать. – Император помедлил, словно выбирая слова. – По поводу следующей награды, я имел долгий спор с вашим батюшкой, который утверждал, что уже и того довольно. И всё же он меня не убедил, так что, поздравляю князь, производством в полковники по Тайной Канцелярии со старшинством от сегодняшнего дня.

Николай вскочил и вытянулся по стойке смирно.

– Служу отечеству!

– Ну, и как говорят наши вечные недруги британцы, последнее по списку, но не по значению. – Император, чуть наклонился вперёд, словно собирался сказать нечто секретное. – Двадцатого мая, именины Любавушки, так вот она желает видеть вас своим кавалером на балу.

– Это высокая честь для меня. – Николай снова вскочил, изобразив на лице радость подобающую случаю.

– Ну, голубчик, не нужно так уж переигрывать. – Рюрик рассмеялся. – Я знаю, что она взбалмошная девчонка и регулярно портит вам кровь. Но, мы тут посоветовались с царицей, и решили, что после окончания университета, пусть поработает в больнице да не столичной, а в провинциальной. Заодно посмотрит, как люди живут, да пообщается с народом накоротке. А то, что-то в голове у неё ветер листья гонит. То ли кто-то нашёптывает ей всякие глупости, то ли ещё что-то.

Но это я к чему. Вы, Николай Александрович к ней уж помягче. Отнеситесь к ней как к капризной, но очень доброй и чувствительной девчонке, которая физически выросла, а внутренне пока так и осталась подростком.

– Да, государь. – Николай поклонился.

Из Кремля, Белоусов-младший выехал в весьма сложных чувствах. С той самой новогодней ночи в Ладоге они с Любавой не встречались. Было правда несколько звонков, и писем, от цесаревны со странными требованиями и угрозами, но вот уже два месяца как всё стихло, и Николай уж было подумал, что миновала его чаша сия, но как выяснилось нет. Или не найдя пары лучше, или ещё что, но Любава, решила таким образом предъявить права на Николая, что само по себе было определённым знаком. Да тут ещё это производ-

СТВО...

Ясно что не будь он тесно знаком с Любовью, то Владимиром всё бы и ограничилось. Да и не считал Николай что сделал что-то выдающееся. Ну, да. Выжал из ситуации всё возможное. Но чудовищно наследил при отходе, и конечно же должен был сразу вызвать помощь, при обнаружении слежки. Просто была эта слежка и вообще всё вокруг такое топорное, и безыскусное, что он посчитал что сам вполне справится.

Вообще, уже давно и с чистой душой, Николай снял бы с себя погоны, превратившись в отставника, но понимал, что с таким хозяйством как Технический Отдел, мало кто справится. Нужно чтобы человек имел довольно редкое сочетание качеств. Оперативную подготовку, инженерное образование, и связи в верхах позволяющие разрешать возникающие конфликты, или как максимум, вообще не зависеть от мнения общества.

Его заместитель был отличным оперативником, но всего остального не имел, а какой-нибудь генерал со стороны, имел бы всё остальное, ничего не понимая в специфической деятельности Тайной Канцелярии.

Так, пребывая в невесёлых размышлениях, Николай остановил машину у ателье братьев Брукс, которые занимались его гардеробом, и потратив полчаса, решил все вопросы с новым мундиром, который по традиции следовало пошить сразу после производства, и на первое время просто переме-

нив погоны, вышел к своему авто уже полковником.

Тайной Канцелярии полковник был званием четвёртого ранга что равнялось армейскому генерал-майору, и китель имел алый шёлковый подбой, золотое шитьё по воротничку и алые отвороты, как у генеральских мундиров.

Время было уже к четырём, так что Николай решил захватить за Анечкой и пообедать уже с ней.

В здании Московского Института благородных девиц имени государыни Ольги, всегда царила чинная тишина, и покой, даже когда младшие классы выводили по окончании занятий. Для шумных скачек существовали особые площадки, где можно было невозбранно кричать, скакать по затейливым лесенкам, и даже подражаться на мягких матах, правда соблюдая нехитрые правила, и всегда под присмотром учителя гимнастики.

А здесь, в огромном холле, где располагались скамейки для ожидающих, все вели себя негромко и очень пристойно, как и подобало детям лучших московских семей.

Казачья охрана, прекрасно знавшая самого Белоусова, Аню, и сестёр Басаргиных, вытянулась по стойке смирно.

– Спасибо за радение братцы. – Николай молниеносным жестом опытного карманника сунул сотенную в карман кителя старшего смены, и в ответ услышал лишь негромкое:

– Рады стараться господин полковник.

Сестры Басаргины, одевались исключительно в немецкое полувоенное платье, которое в самой Германии одева-

ли дамы-военнослужащие и служащие военизированных организаций, типа ЛюфтФара, Германских Железных дорог, и Военно-медицинской службы. Юбка – брюки до щиколотки, длиннополый пиджак, под которым свободно помещался Громобой, с пятью запасными магазинами, и на ногах короткие сапожки на каучуковой подошве.

Когда Николай вошёл в зал, Лиза и Вера, чинно сидели на лавочке, и листали какой-то журнал, коротая время в ожидании конца уроков, и сразу же вскочили, встав чуть не по стойке смирно, когда Белоусов подошёл.

– Вы чего это? – Николай укоризненно покачал головой. – Скачете словно блохи.

– Поздравляем производством, ваше высокоблагородие. – Вера склонила голову.

– И с Владимиром первой степени. – Добавила Лиза. – Это вам за Астрахань?

– И за это тоже. – Николай усадил сестёр и сам сел рядом. – А в основном за то, что был хорошим мальчиком и слушался старших.

Девушки прыснули от смеха, сразу растеряв весь пафос.

– Ладно. Чего у нас плохого?

– Приходила жаловаться учительница географии. Сказала, что Анечка на уроке рисовала одноклассниц, и раздавала рисунки. От чего класс совершенно не слушал тему.

– Всё?

– Ещё жаловалась преподавательница немецкого. Она са-

ма из Силезии, а у девочки берлинский акцент.

– Ну, значит ничего существенного. – Подвёл итог Николай.

– А тут многие выговаривают и наказывают за меньшее. – Произнесла Лиза.

– Зачем? – Николай удивился. – Дитё же. Совсем кроха. Учить нужно. Рассказывать, что хорошо, а что плохо. Вот, например, с рисунками её. Она превосходно рисует. Со следующего года, я договорюсь с кем-нибудь из Академии Художеств, чтобы принял класс, в качестве педагога. А пока, просто расскажем Анечке, что так делать не нужно. Что если она хочет кого-то нарисовать, то для этого есть переменка и часы самоподготовки. А с акцентом этим и вовсе ерунда. Через два года у них сменится преподаватель, и та дама, насколько я помню, из Мюнхена. И что снова переучиваться? Нет уж. Путь у девочки будет хохдойч, чем эти местечковые разговоры.

– Братик! – Девочка в голубом платье с кружевами, словно ядро, выпущенное из пушки, вылетела из бокового коридора, и высоко подпрыгнув в воздухе, была поймана и прижата к груди.

– Привет. – Николай коснулся губами щеки девочки. – Как прошёл день?

– А, ерунда. – Аня отстранилась, прыгнула на пол, и стала одеваться, аккуратно сложив туфельки в мешок, и стянув на рукавники. – Машка, дура, кидалась на музыку, промокаш-

кой. Так ей Клавсанна вкатила неуд, да ещё и два часа отработки.

– А ты?

– Ну и я. – Девочка вздохнула. – Час получила за географию, и час за разговоры на правописании. – Аня понурилась, ожидая выволочки.

– Так. С рисованием на уроке понятно. Просто больше так не делай, и всё. А что с правописанием?

– Катька всё приставала с правилами. Сама не учит...

– Понятно. – Николай помог девочке одеть лёгкое пальто. – Помогать конечно нужно, но на уроке, это делать уже поздно. Посоветуй ей лучше заниматься, и сама не подставляйся.

Белоусов взглядом проверил как на девочке сидит одежда, и взяв за руку, пошёл к выходу.

– Господин полковник! – Николай обернулся и увидел, что к нему быстрым шагом шёл высокий широкоплечий мужчина в тёмно-сером костюме, и наброшенном на плечи тонком шерстяном пальто чёрного цвета. Лицо у мужчины было отёчным землистого цвета, и явно нездоровым, а на носу висело небольшое пенсне, в золочёной оправе.

За мужчиной едва успевала сухощавая женщина лет тридцати с таким же измождённым лицом, по виду воспитательница или бонна маленькой девочки, которая семенила рядом, ухватив женщину за руку.

– Господин?

– Дворянин Рябчиков Пётр Семёнович. – Представился мужчина, чуть задыхаясь от одышки. – Надворный советник коллегии финансов.

– Князь Белоусов Николай Александрович. – Николай коротко поклонился. – Чему обязан?

– Господин полковник, у меня есть серьёзная претензия к вашей сестре, и соответственно к вашему воспитанию. – Говорил надворный советник уверенно, громко, и размахивал руками словно мельница. – Я требую извинений и компенсации.

– Даже так. – Николай усмехнулся. – Что же вызвало ваше недовольство?

– Сегодня на большой перемене, ваша сестра ударила Леночку по лицу. Если вы приглядитесь, то увидите розовый след справа. Впрочем, это ни к чему, так как сам факт удара был зафиксирован врачом прогимназии.

– Интересно. – Николай присел так, чтобы оказаться с Аней на одном уровне. – Ты не хочешь ничего сказать?

– Она говорила ужасные вещи. Просто ужасные. – Аня вскинула голову и сжала кулачки так что пальцы побелели. Но глаза её смотрели твёрдо.

– Леночка. – Николай повернулся к дочери чиновника. – А что ты такое говорила? Скажи нам? Ну, не бойся. Я не стану тебя ругать. Всё же уже прошло. – И видя, что Лена продолжает молчать, снова повернулся к Ане. – Может ты скажешь, что именно говорила Лена?

– Пусть она сама скажет! – Выкрикнула Аня. – Весь класс слышал. И наши воспитательницы, и Семён Григорьевич.

– Ну, так что, скажешь, или мне послать за Семёном Григорьевичем? – Николай наконец поймал взгляд девочки и чуть «надавил», чего для первоклашки хватило с избытком.

– Я сказала, что Анин брат, ну то есть вы, – рюриков выbleдок.

– Хм. – Николай широко улыбнулся, и легко потрепал девочку за щёчку. – А ты это, наверное, дома услышала, да?

Пётр Семёнович, глаза которого стали размером с пуговицы на пальто, хотел что-то сделать, но ему точно между глаз, над переносицей, упёрся воронёный ствол Громобоя. Вера, державшая оружие, очаровательно улыбнулась, приложив пальчик к губам, призывая надворного советника помолчать, и он бешено захлопал глазами, не в силах кивнуть.

– У папы в субботу гости были, и он громко говорил, что всему корню Рюриков скоро конец, и Белоусовым тоже, в особенности вам. Ну он сказал, что вы рюриков выbleдок усыновлённый Белоусовыми. Это я уже потом поняла, что про вас разговор.

– Спасибо. – Николай кивнул девочке, и уже хотел встать, но что-то его остановило. – А за что ты его так не любишь?

Девочка молчала долго. Николай уже решил, что не скажет, но вдруг Леночка вздохнула, и как-то очень по-взрослому посмотрела на Белоусова.

– Он маму уморил. Ей доктор был нужен, а он всё ста-

рух каких-то приводил. Они молитвы читали, свечи жгли, по всему дому плошки с водой стояли... Мне потом доктор Маша сказала, что от этой болезни не умирают. Всех вылечивают... В больнице.

— Ясно. — Николай встал, нашёл глазами казаков, стоявших на посту у входа, и подошёл ближе. Под его взглядом казаки сразу подобрались, словно перед броском к окопам.

— Тайной Канцелярии полковник, князь Белоусов. — Николай расстегнул китель, и вытащил наружу золотой жетон. — Слово и дело.

Летучка из канцелярии прибыла буквально через пятнадцать минут. Без пяти минут бывшего надворного советника увезли каяться, а его дочь, передали в группу, которая жила в пансионе. Предвидя проблемы Леночки, Николай сразу внёс на её счёт в пансионе двести тысяч рублей, и дежурный администратор заверил его, что у Леночки будет всё самое лучшее, включая самую трепетную заботу воспитателей и преподавателей.

А дело, которое началось с детской драки, начало раскрываться своим чередом, да так резво, что император Сергей, лично приезжал на допросы, чтобы послушать что говорили молодые представители лучших дворянских родов. Хотя, на счастье большинства болтунов, разговорами дело и ограничилось.

Все причастные были чиновниками вышесреднего калиб-

ра, и детьми достаточно высокопоставленных чиновников, которые спасая свою карьеру, сами были заинтересованы в том, чтобы у следствия к ним не было никаких вопросов.

Итоги следствия оглашались на Большом Государственном Совете, куда пригласили представителей всех сословий, для вынесения общего решения, что стоило для двух десятков дворян старейших родов высылки за границу, и лишения подданства. Ну а пятерым – десятку на каторге за беспримерную глупость. Эти деятели держали у себя оружие, в большом количестве, взрывчатку, и даже портативную типографию, на которой собирались печатать прокламации. Но в основном салонные революционеры получили в личное дело штамп «неблагонадёжен», продолжили дальше прожигать родительские деньги.

Николай за всем этим наблюдал со стороны, так как технический отдел, занимался лишь экспертной поддержкой, и обслуживанием прибора «Правда», который наконец-то доделали в лаборатории академика Павлова.

Техников, допущенных до внутренностей прибора, пришлось учить особым образом, и выдавать специальный допуск, как и врачу, который присутствовал на каждом таком допросе. А выпускал этот сложный и дорогой прибор, завод компании Русская Связь, который стал единственным предприятием, способным обеспечить нужный уровень защиты и безопасности при выпуске прибора.

Тем временем, подоспели арестованные из Астраханской губернии, и карусель правосудия закрутилось, вновь не давая ни дня на передышку.

Егеря, канцеляристы и военная контрразведка, сделали своё дело на «отлично» вскрыв сотни мутных схем по уводу денег, протаскиванию через границу контрабанды, и прочего nepотpeбствa, что и вылилось в тяжёлые тома судебных дел, ставшие тонкими листочками приговоров.

На этом фоне, жалоба от депутации московских купцов, прошла почти незамеченной. Дело рассматривали в Торговом суде, и Владимир Ульянов, которому Николай предоставил все документы по конкурсам и требованиям, в пух и прах разнёс все иски жалобщиков, которые не удосужились даже прочесть чего там нужно на заводе сделать, чтобы даже быть допущенным к конкурсу. Да и правильно. Зачем забор и охрана там, где делают секретную военную продукцию? Ясно же – сговор. Правда судьи так не считали и пятью голосами из пяти не только оправдали Николая, но и выразили депутации особое мнение, что такого рода жалобами лишь отнимают время от решения настоящих проблем.

Но сам факт подачи иска, послужил для Николая важным сигналом, и он внимательно прошёлся по всем своим делам, как коммерческим, так и служебным, разбираясь не совершил ли где ошибки, а не найдя, поехал к своему учителю и благодетелю – Ефиму Петровичу Голицыну, застав того в совершеннейшем благолепии, и расслабленности.

Князь только что защитил проект нового порта на Балтике на Государственном Совете, и получил высочайше добро на бюджетные ассигнования, и одновременно, его недоброжелатели и завистники провалились со своим проектом автомагистрали Москва – Урал, которую князь считал несвоевременной, тем более, что магистральная железная дорога уже дошла до Байкала, и никакие тяжёлые грузовики не могли тягаться с железной дорогой по соотношению рубль-километр.

Победу, как бы она ни была значительна, князь Голицын никогда не праздновал, лишь тихо отметив её обедом в кругу семьи, и после удалился в комнату отдыха, любоваться весенним садом и придумывать новые козни соперникам.

Николая, к нему пропустили незамедлительно, и Белоусов поразился, тому, каким разным может быть этот человек. Ефим Петрович, был безусловно из породы хищников, но сейчас, взгляду предстал сытый, довольный жизнью зверь, и даже умытый от крови, так что можно было глубоко ошибиться в оценке князя.

– А, Николай Александрович! Присаживайтесь мой друг, расскажите, как дело решилось в Астрахани, а то мне всякие ужасы рассказывают, но я решил дождаться информации из первых рук.

– Доброго здоровья, Ефим Петрович. – Николай поклонился и присел на указанный князем стул. – Да и вас можно поздравить с победой. Даже до меня долетали отголоски той

битвы, что на госсовете устроили.

— А. — Глава коллегии финансов небрежно взмахнул рукой. — Там же всё понятно было. Порт — это проект нужный вот прям сейчас. А автомагистраль, когда ещё понадобится. Нет таких автомоторов чтобы могли взять хоть двадцать тонн груза, а наши вагоны и по сто пятьдесят принимают. Зато вот у вас, виктория настоящая. С кровушкой. — Князь прищурился и едва заметно облизнулся. — Сколько мне люди втирали что за Уралом деньги печатают, сколько мы сил потратили на поиски этих блинопеков⁵, не рассказать. И тут мне на стол ложатся документы из Коллегии внутренних дел. И ведь ни словом про вас не обмолвились, словно всё сами. А ведь там и генштабовские были, и даже армеуты⁶... Ну да ладно. Господь им судья, но я уже вижу, что государь-батюшка не поскупился, да. Владимира первой степени да с мечами и дубовыми листьями у нас имеют только пятеро, да вот вы шестой. — Он небрежно взмахнул пальцами отпуская слугу, который расставил чайный набор на столике. — Ну и полковника в двадцать один год, выслужить тоже совсем немало. Тучков — четвёртый тоже вроде получил полковника в двадцать два, да князь Горчаков в двадцать один получил гене-

---

⁵ Блинопёк — жаргонное название человека, занимающегося подделкой документов и фальшивыми деньгами.

⁶ Армеут — несколько насмешливое прозвище для военнослужащих линейных частей и подразделений.

ральские погоны⁷. Так что вы в хорошей компании.

— Да вот это меня и беспокоит. — Николай благодарно кивнул за чай, налитый в чашку. — Тут вон и купцы московские в суд подали, и вообще, такое ощущение что обкладывают со всех сторон.

— Это ничего. — Ефим Петрович усмехнулся, растянув тонкие жёсткие губы в улыбке. — Это правильно. Осторожность лишней не бывает. Но на самом деле, всё станет плохо лишь тогда, когда вы зарвётесь и перейдёте черту. Что за черта? Да всё просто. Чертой является закон. Закон, как свод общих правил. И для князя, и для крестьянина, и для военного. Для всех. Пока вы в рамках закона, всё в порядке. Если кому-то не нравится то, что вы делаете, пусть борется с вами. Но тоже исключительно в рамках закона. Ну а те, кто перейдут черту, узнают много интересных слов. Например, таких, как ссылка, тюрьма, поражение в правах, и много других. Конечно вам, нужно следить за тем особо. Законность сделок, и их юридическая чистота должны быть абсолютными. Но, про то, я уже как-то сказал вашему компаньону — господину Ульянову, и тот заверил меня, что все контракты и документы проходят через его юристов.

— Да, это так. — Николай кивнул. — Несколько дольше делопроизводство, но намного больше уверенности.

— Скажу больше. — Подхватил тему Голицын. — У меня в Коллегии, теперь тоже и в отделах и вообще появились юри-

---

⁷ Как и в реальной истории

сты, которые проверяет документы, и на каждом стоит его личная подпись, так что в случае чего, мы знаем с кого взыскивать ущерб. Ну а там, где есть личная ответственность за результат, всё намного честнее. — Князь улыбнулся и внимательно посмотрел в глаза Николаю. — Но я хочу вот что сказать. У разумного человека, любое сомнение порождает осторожность. Так что вы на правильном пути. Чем больше будет дел, чем выше общественное и служебное положение, тем сложнее будет выбор, и тем выше цена ошибки.

4

Для блага государства нужно держать союзников на цепи, а врагов в страхе и никогда не путать первых со вторыми.

Никколо Макиавелли. Управление государством для простаков.

Фантастическую, в смысле результативности, операцию провели в Астраханской губернии полицейские и военные ведомства империи.

Мгновенная словно бросок хищного зверя, переброска подразделений, и вот уже первые группы пошли по адресам, арестовывая подозреваемых и препровождая на поле аэродрома, где уже установили лагерь временного содержания.

Работа следователей, дознавателей, криминалистов и судейских, словно отлаженный производственный процесс, и уже через пару суток, первые дела поступили на рассмотрение в Военный трибунал, который по указу Государя, судит все дела по измене Родине, фальшивомонетничеству, и ряду других тяжких преступлений.

Но, как нас заверили следователи, даже те, кто будет осуждён, и отправлен в места отбывания наказания, могут быть привлечены по вновь открывшимся обстоятельствам, и сроки их заключения, а также условия содержания изменены в

соответствии с решениями суда.

Михаил Шолохов, Донской Курьер 14 апреля 1924 года.

Российская империя, Москва.

Московская публика довольно спокойно отреагировала на случившиеся аресты, и высылку двух десятков представителей столичного дворянства. Все прекрасно помнили, что такое революция и кровавый ад случившийся во Франции, и его повторение в России было никому не нужно. А стало быть поступок князя Белоусова, был вполне светским и одобряемым, несмотря на то, что какое-то количество тайных недоброжелателей у него всё же появилось. Но как сказал Белоусов – старший, «Ты не золотой червонец чтобы нравится всем.»

Но промышленники и купцы особенно оценили чёткость и уверенность с которой сработали специальные ведомства империи. Особенно то, что брали всех, невзирая на фамилии, и связи родителей, и бесстрастно взвесив вину каждого, отписали от щедрот имперского правосудия. Кому каторгу, кому ссылку, а кому и лишение подданства, что для семьи было, пожалуй, наиболее позорным. А кого и отпускали на все четыре стороны, напутствовав нравоучительной беседой и пожеланием избавляться от вредных привычек.

Салоны, курительные, дамские гостиные и будуары, были полны разговоров, обсуждений и все сходились на том, что князь поступил верно и как должно, поступать для офицера и дворянина. Потому как умысление переворота это

не шутка. В не такие давние времена, можно было и головы лишиться, а семью подвести под вечную ссылку. Прецеденты бывали. Например, в правление Феофана Грозного, когда живота и состояния лишились сразу сто московских дворян, а семьи, включая грудных детей, были лишены дворянского звания и высланы по губерниям. Известные купцы Скопины-Шуйские тому яркое свидетельство. Утерев княжеское достоинство и состояние, род так и не смог подняться выше купечества второй гильдии, а князья Туренины вообще канули в лету.

Зато поднимались новые фамилии, строго блюдущие Честь и Долг. Второвы, Шуховы и Сикорские, недавно получившие потомственное боярство, Менделеевы, выслужившие княжеский титул, не только трудами Дмитрия Ивановича, но и стараниями потомков, развивающих химическое производство по всей России. Фёдоровы-Уральские развивавшие оружейное дело не первое поколение, и многие другие. В этом ряду Белоусовы занимали достойное положение, как древностью рода, так и неоспоримостью заслуг. Портрет князя украшал Галерею Героев, а это в чём-то даже повыше княжеского титула, ибо княжеских родов в России больше двух сотен, а портретов в Галерее Героев всего восемьдесят два.

Ну и кроме того, все прекрасно понимали причину того, что в городах России, вдруг стало гораздо спокойнее, и тише. Бандиты и разное ворьё, воспрявшие после большой войны,

были либо уничтожены, либо убраны в места далёкие и негостеприимные, либо попрятались от греха, подальше, а самые умные так и вовсе за границу.

И произошло это от того, что между криминалом и простыми гражданами встали правоохранители. Полицейские, военнослужащие Охранной Стражи, да и просто армейцы, которых поднимали по тревоге, и бросали на прочёсывание городских кварталов и штурм бандитских притонов.

Так что отношение к полицейским было благожелательное даже более чем обычно, как к защитникам и охранителям покоя честных граждан. Но недовольные всё же находились, и в основном были они из представителей столичной богемы, которые из-за действий полиции не попали на спектакли, званые вечера и банкеты, до которых они были весьма охочи, как и вообще до любой дармовщины. Но те люди в Обществе веса не имели, а держались Светом на положении наёмных скоморохов, чьим мнением можно и нужно пренебречь.

Как ни старался Николай избегать светских собраний, но ему всё равно приходилось посещать их пусть и в самом минимальном количестве, рекомендованном специальной инструкцией для «Всяких чинов военных, каковые и титул имеют». Так вот, в документе, подписанном ещё императором Феофаном, было чётко определено что не менее трёх вечеров в месяц, служивый дворянин должен проводить в об-

ществе себе равных, ведя разговоры, приличествующие случаю.

Вот и сейчас, Николай, остановив лимузин у широкой лестницы дворца Трубецких в Хамовниках, оставил машину на попечение слуг, и поднялся в просторный холл, откуда дамы могли пройти в специальные комнаты чтобы поправить наряды, а мужчины просто задерживались перед огромным, шестиметровым зеркалом, и окинув взглядом мундир и стройные ряды знаков отличия, могли подождать своих спутниц, или сразу подняться наверх, где уже бурлило светское общество.

Но котелок, заполненный светскими повесами, стареющими красавицами и всеми теми, кого принято называть «Свет», вовсе не был клубом бездельников. Просто под личиной можно было спрятать всё что угодно, как например князь Сергей Друцкий, известный светский мот и бездельник, давно и успешно трудился на Тайную Канцелярию, часто вытаскивая такие сведения, что его счёт, куда переводились наградные деньги, постоянно рос, несмотря на дорогостоящие привычки князя – балерин, шампанское и хороших лошадей. Об этой стороне князя Друцкого Николай знал, и сам Друцкий знал, о том, что князь Белоусов посвящён в его секрет, но был спокоен, так как Белоусов ему пару раз чувствительно подыгрывал, и даже как-то раз прикрыл при серьёзной оплошности.

А Белоусову подобные знакомства тоже были нужны, так

как позволяли не прослыть букой и противником Света. Например, одно вхождение в кружок повес бурливший подле Друцкого, уже придавало его имени лёгкий отблеск безумства. Впрочем, безумства светского, а потому приличного и вполне понятного, как например устроить «Бал с привидениями», когда веселящихся в полумраке гостей, пугали специально нанятые актёры.

Стоило полковнику подняться в зал, как распорядитель, узнавший князя, и мгновенно считавший новые погоны, и орден Владимира, широко распахнул створки дверей, и пристукнул жезлом, как делал всегда при входе особо важных персон.

– Тайной Канцелярии полковник, князь Белоусов.

– Премного рады видеть вас, князь. – Андрей Демидович Трубецкой, коренастый мужчина среднего роста, в чёрно-сером мундире полковника железнодорожных войск, с миниатюрной Ангелиной Сергеевной Трубецкой, в тёмно-синем бальном платье, и с колье из крупных бриллиантов на длинной шее, подошли степенно, как и подобает хозяевам праздника.

– Князь, княгиня. – Николай поклонился. – Рад видеть вас в добром здравии и сиянии признания ваших заслуг.

Бал собирался по случаю награждения полковника Трубецкого орденом Александра Невского первой степени, причём не только с молотками, как и полагалось всему инженерному корпусу, а ещё и с мечами, отметив таким обра-

зом участие князя Трубецкого в Большой Войне, его заслуги как организатора военных перевозок и создание бронепоезда «Царь Феофан Грозный», который в своё время в одиночку отбил наступление немецких войск подо Львовом, стерева несколько вражеских дивизий в пыль.

– Да и вас как я посмотрю тоже не забывают. – Князь одобрительно посмотрел на «Владимира». – Да ещё и с мечами, и с дубовыми листьями... – Трубецкой подкрутил кончик уса, и усмехнулся. – Смотрите, Николай Александрович, вам бы поостеречься нужно. У нас на балу как-то целый девичий взвод образовался.

– Благодарю за предупреждение, князь. – Николай поклонился. – Буду предельно осторожен.

Когда он отошёл, княгиня чуть прижала локоть мужа, и тот сразу же наклонился к ней.

– Душа моя?

– Отряди-ка ты пару человек, чтобы глаз с князя не спускали. – Произнесла многоопытная Ангелина Сергеевна. – Нам только скандала с царской семьёй не хватало.

– Да, свет мой, ты как никогда права. – Князь поднял руку и сразу же к нему подсочил один из доверенных слуг.

– Егор, отправь-ка ты за князем Белоусовым пару человек. Да пусть глаз не спускают с него, даже в уборных. Кабы кто из девиц не учинил чего непотребного.

– Уже отправил четверых, батюшка. – Слуга коротко поклонился. – Все четверо из наших сторожей, ребята бывалые

и ушлые.

– Молодец. – Князь кивнул, и перевёл дух. – А как ты сообразил за ним людей послать?

– Так то, что за князем охота девиц идёт, вся Москва судачит. А у князя репутация хорошая. Простых людей не обижает, не чинится, слуги у него вдвое получают, а мажордом, вообще втрое, да подарки на каждый праздник, да ещё и девчонок – горняшек, не лапает, и по постелям не таскает. В общем строгих правил мужчина, даром что молодой совсем.

– Так говаривают, что у него аж четыре полюбовницы?

– То, батюшка, женщины взрослые, равного положения и достатка. Таких не купишь на побрякушки, как деревенских дур. – Спокойно ответил Егор. – Да и в звании все. А указ старый все помнят. Женщина в звании сраму не имеет, так как честь её в служении Родине.

Бывшие пограничники, служившие у князя, благоразумно предупредили полковника Белоусова, о том, что будут за ним следить, и Николай в кои-то веки чуть расслабился, беседуя со знакомыми и гостями, и даже позволил себе бокал сухого вина.

Как-то очень случайно зацепившись языками со знаменитым Теодором фон Карманом который занимался проектом дальнего пассажирского самолёта, он и не заметил, как оказался на огромном балконе, через который можно было пройти в библиотеку, и где стояли кресла для гостей, поже-

лавших отдохнуть от духоты бала.

– Такие машины, доктор Карман, потребуют очень многого. – Николай чуть отпил из своего бокала. – Наземное обслуживание. Двигатели нужно будет проверить, как и всё оборудование, и делать это должны специально обученные техники. А значит вопросом создания наземного хозяйства нужно озаботится заранее. Это уже я не говорю, что двигатели с таким соотношением массы и тяги, очень чувствительны к качеству бензина.

– Да, это так, герр полковник, но вопрос всё равно предстоит решать. Необходимость скоростного воздушного сообщения уже давно не секрет. Сначала сделаем трассу Берлин – Москва, поскольку уже есть и аэродромы, и технические специалисты, а дальше будем тянуть линию в Африку, и возможно в Юго-Восточную Азию. Ну и по Европе конечно. Мадрид, Вена, Женева, Рим. Все крупные города кроме Парижа.

– Всё не можете простить Франции участие в войне? – Николай усмехнулся.

– Нет, не это. – Немец вздохнул и посмотрел куда-то в су-мерки, невидящим взглядом. – Они предоставили аэродромы для британских дирижаблей, которые ударили химическими снарядами по Берлину. Тогда погибло больше ста тысяч человек, в основном мирное население. Французы знали, что готовится военное преступление, и не остановили союзников.

– Вы в той войне тоже отличились. – Напомнил Николай. – И первую партию снарядов с ипритом вы привезли не под Марну, а ко Львову, собираясь совершить такое же военное преступление. И кто знает сколько погибло бы у нас, если бы не подвиг хорунжего Ерёменко, подорвавшего склад с химическими снарядами.

– И при этом погибли тысячи немецких солдат!

– Это были ваши снаряды, доктор Карман. – Уточнил Николай. – И самим фактом концентрации химического оружия в полосе боёв, вы уже совершили военное преступление. Точно такое же в котором упрекаете французов.

– Насколько я помню, все виновные были казнены по приговору трибунала. – Попытался отвертеться немецкий учёный.

– После ультиматума императора. – Николай усмехнулся, так как знал эту историю от своего отца, который имел свои источники информации. – Я не упрекаю вас, доктор Карман, но призываю подумать вот над чем. Зажатая в тиски уже свершившегося передела земель, Германия жаждет новых колоний, а единственный способ их обрести лежит через войну с теми, кто эти колонии уже имеет. Но если вдуматься и отрешиться от устаревшей модели, никакие колонии вам не нужны. Даже покупая сырьё по мировым ценам, вы имеете бешеные доходы, потому что создаёте из, например, железа, не ведро, и даже не станок. А станок высокоточный, который стоит столько, что без особого удорожания может быть сде-

лан из серебра. Цена материалов в таком изделии колеблется на уровне единиц процентов, а главная стоимость – это разработка, труд высококвалифицированных инженеров, и сборщиков. И зачем вам колонии? Толпы плохо обученных крестьян, которые впоследствии захотят переселиться в метрополию, и которых нужно будет кормить. Везти оттуда сырьё? Это значит создавать огромный флот, его обслуживать, и толкаться локтями с британцами, французами, американцами, и прочими. А ведь всё что вам нужно, есть здесь в России. И даже магистральная линия, которая идёт от Сибири до Германии.

Весь бизнес в колониях – это просто грабёж населения. Но что там грабить? А вот те, кто хотят иметь своё производство, вот те, куда богаче. И вот их грабить куда перспективнее.

– Хмм. Полагаете, я донесу вашу точку зрения до канцлера?

– Я знаю, что вы давние друзья. – Мягко ответил Белосов. – Но моё мнение, это только моё мнение.

– Я тоже знаю, что вы полковник вашей тайной полиции. – Немец открыл портсигар, и достав сигарету жадно закурил. – А учитывая, что существует гандикап в два звания – фактически генерал-майор. И ваше мнение – это конечно ваше мнение. Но это не мысли простого обывателя.

– Скажем так. Если вам будет что сказать, то я тоже в состоянии довести ваше частное мнение до государя.

– Это всё нужно тщательно обдумать. – Доктор Карман, который успел послужить в армии и даже получил звание гауптмана, выкинул недокуренную сигарету в урну, поклонился, по-военному щёлкнул каблуками, и простившись убыл.

– Как же. Обдумать. – Проворчал Николай. – Рупь за сто если не побежал докладывать в Берлин.

Апрель в этом году выдался тёплый, и Николаю в шерстяном кителе было совсем не холодно на балконе, который выходил в парк.

В принципе, всё что необходимо он сделал. На беседу с фон Карманом он вышел по просьбе своего непосредственного начальника генерала Каледина, который участвовал в длинной политической игре, под названием «Нахлобучь британца». Нет конечно операция имела какое-то благозвучное название, Шторм, Ураган, или Туман, но суть её была именно в этом. Британцы очень сильно пострадали в войне, и лихорадочно искали союзников, которые помогли бы им удержать колонии и противостоять росту авторитета России в Европе и Азии. А Николай – фигура в политических играх почти не засветившаяся, но тем не менее авторитетная, так что именно ему поручили озвучить завуалированное предложение к сотрудничеству.

Полковник в пару глотков допил вино, уже собирался покинуть балкон, как в полумрак впорхнула невысокая девица, с миловидным и даже красивым лицом и чуть ломким под-

ростковым голосом спросила.

– Господин полковник Белоусов?

– Да, сударыня. – Николай поклонился. – Чему имею честь?

– Я это... я вот... девушка что-то ещё хотела сказать, но вместо этого вдруг схватилась обеими руками за горловину платья, и разорвала его до пояса, обнажив и невысокую грудь, в шёлковом лифчике, и какие-то дамские подвязки и ремешки на узком животике.

– Спасибо, но ничего нового я не увидел. – Николай рассмехался. – А кто вам посоветовал такой дурацкий способ обратить на себя внимание? Матушка? – Он вздохнул и произнёс. – Ребята, пошлите кого-то за покрывалом или пледом. Пусть уведут эту дуру, пока не случилось скандала.

– Слушаюсь ваше высокоблагородие. – Куст шевельнулся и из него выпал мужчина, который метнулся куда-то в комнаты.

– Вы не один?!! – Девушка покраснела так, что это стало заметно даже в полумраке.

– Скажу, больше, сударыня. Нас даже не двое. Правда ребята?

– Так точно, ваше высокоблагородие. – Донеслось откуда-то из угла где стояла большая ваза с фруктами.

– Так точно. – Прозвучало из-под стола, где стояли курительные принадлежности.

– А то. – Сказали со стороны библиотеки.

– Ах! – И девица потеряла сознание, но вот ловить её Николай не стал, и дама вполне благополучно брякнулась на пол, отрубившись уже по-настоящему.

Через минуту появился один из пограничников, и завернув девицу в сорванную портьеру, утащил её куда-то в комнаты.

– Спасибо братцы. – Николай улыбнулся. – Женить бы она конечно меня не смогла, но скандал был бы знатный. Так что примите от меня спасибо и поклон. – Он достал из кармана бумажник, не глядя, вынул пачку ассигнаций, и протянул куда-то под стол.

– Рады стараться, ваше высокоблагородие.

Белоусов – младший давно покинул бал, а Андрей Демидович Трубецкой, наконец увидел супругу, идущую к нему через зал. Лицо Ангелины Сергеевны было чуть бледным, а губы сжаты в тонкую нитку.

– Ну что там, душа моя? – Князь склонился к жене.

– Боярыня Сальская отличилась. – Зло бросила княгиня. – Подучила дочь, и та пришла на балкон, и порвала на себе платье. Вроде как князь ссильничать попытался. Хорошо, что наши люди были рядом. Та как поняла, что он не один, сразу сомлела, и как есть на пол повалилась. Князь сразу послал Сергуню за покрывалом, и тот завернул эту дуру и пронёс её в малый будуар. Кое-кто конечно видел, но кто там был под тканью, не разглядеть, так что огласки не будет. –

Княгиня перевела дух, и наконец-то разжала стиснутые кулаки. — Но от дома я ей конечно отказала, и всем своим подругам про то скажу. Виданое ли это дело, такое непотребство учинить!

— Ну, радость моя. — Князь легко коснулся губами завитка на виске жены. — Всё уже кончилось, так что мы с тобой молодцы.

— А князь-то! — Ангелина Сергеевна, которую понемногу отпускало, негромко рассмеялась. — Поблагодарил наших. Три тысячи ассигнациями дал. Широкого размаха юноша.

— Да побойся бога, сердце моё! — Всплеснул руками князь. — Какой же он юноша! Полковник по тайной канцелярии это генерал, и награда у него генеральская. Владимир первой степени с мечами и дубовыми листьями даётся за организацию боевых действий или за особые заслуги перед царствующим домом. Ну да. Молод. Но как говаривал мой покойный начальник, генерал Павел Петрович Мельников, молодость проходит у всех, но не у всех она сменяется мудростью.

5

Спокойный сон, признак не чистой совести, а плохой памяти.

Император Нерон.

Большой кровью закончилась история с волнениями на якутской каторге, для особо опасных преступников. Захватившие оружие у убитых ими охранников, каторжанники пятого уровня, прорвались к воротам, ведущим на поверхность, когда их встретили пулемётные команды Якутского Казачьего Полка.

Убитых, не опознавая захоронили в отвалах старых выработок, а раненых принял лазарет второго уровня. В убыли посчитано восемьдесят три каторжанина.

Якутский листок 25 апреля 1924 года.

Воздушные гусары третьего истребительного полка, Южной армии, совершили дерзкий налёт на полевой стан армии мятежников Хабибуллы. Огнём пулемётов и бомбами, лагерь полностью уничтожен, а войска частью убиты частью рассеяны. Таким образом снята опасность штурма Бухарского эмирата – союзника России на южных рубежах.

Русский инвалид, 27 апреля 1924 года.

Блестящий бал, даваемый боярыней Элоизой Второвой, как всегда привлёк не только светских

щёголей, но и массу небогатых, но перспективных офицеров столичного гарнизона, почитающих главным призом, двух очаровательных красавиц, и самых богатых московских невест – сестёр Второвых.

Боярышни, блиставшие в нарядах от парижского дома Ланвин, буквально очаровали гостей бала своей красотой, и превосходным воспитанием.

Московский вестник 19 апреля 1924 года.

Российская Империя, Москва.

Происшествие на балу у Трубецких, не имело шумного обсуждения, поскольку в газеты история не попала, но по гостиным конечно разговоры шли, и многим сводням, реакция общества, которое отказало Сальским от дома, охладила желание бегать за молодым князем. Многим, но не всем. Сёстры Второвы, дочери и отчасти наследницы огромного состояния купца первой гильдии, промышленника первой гильдии, и обладателя Золотого Пояса – боярина Второва, две юных красавицы восемнадцати и шестнадцати лет, конкретно так «закусили удила» и Александра поступила в Лётную школу, причём на военные курсы, а вторая, шестнадцатилетняя Арина, упорно готовилась поступать в Университет, на факультет точной механики. И всё это вкупе с обязательным посещением всех мероприятий где бывал Николай, и постоянным попаданием на глаза в виде прогулок под окнами, и нескончаемым потоком приглашений на разные вечера и праздники, которые устраивала супруга Второва – Элоиза. Лютеранка из Баварии, с которой будущий боярин тесно

сошёлся, когда учился в Германии славилась строгим нравом, и большим вкусом во всём что касалось работ художников и скульпторов. Несмотря на относительно простое происхождение, Элоиза Второва, прилежно училась всему что нужно знать жене преуспевающего купца и дворянина, и их дом на Хамовнической набережной, слыл хлебосольным и истинно русским по духу.

Элоиза, не старая ещё женщина тридцати восьми лет, тоже оценила стати полковника Белоусова, его перспективы, и всячески помогала дочерям, полагая что те, ближе к делу разберутся кому из них достанется ценный приз.

Так, или примерно так рассуждали десятки семейств в Москве, и вокруг Белоусова постоянно шла нездоровая возня, что просто невозможно расстраивало сотрудников Восьмого управления Тайной Канцелярии, которая занималась защитой первых лиц. Ещё этот бесконечный хоровод юниц, очень раздражал всех официальных любовниц князя, ну и все претендентки дружно ненавидели друг друга.

Возможно Николаю было бы какое-то дело до дамских скачек, но работы было невпроворот. Приходилось заниматься картотекой, которую в Тайной канцелярии вели от случая к случаю, и вообще она была больше архивом, чем местом где хранятся досье на преступников. Когда к техническому отделу прицепили архив, Николай даже не протестовал, потому, что всем остальным службам, он был ещё менее удобен, и если где ему и место так именно в техотделе.

Зато выделили трёх опытных архивистов, и дали приличные деньги на оснащение архива.

И первым делом Николай, отдал в архив всё то, что добыл у Евно Азефа. И когда специалисты привели все разрозненные сведения в единую систему, и добавили к ним то, что уже имелось, у техотдела сразу получилось весьма приличное собрание документов, что сразу оценила группа, готовившая отчёты по работе правоохранительных органов для высшего руководства страны, а затем и остальные сотрудники. Тем более, что документы можно не только прочесть, сидя за удобным столом, но и сделать фотокопию здесь же, в читальном зале.

Кроме того, у Николая было полно забот с производством, торговлей, и последним курсом университета, на что тоже требовалось время. А ещё заседания Совета Тайной Канцелярии, Промышленной Лиги, и прочая, прочая.

Выход подсказал Владимир Ульянов, с некоторых пор возглавлявший и юридический департамент Русской Стали. Найденный им солидный мужчина лет сорока, бывший прокурор, ушедший в отставку по причине несходства во взглядах с новым начальником, получил все необходимые доверенности, и исполнял роль личного поверенного в делах, освобождая Белоусова от нудной текучки для куда более приятных дел. Например, полётов, совместных развлечений с барышнями и гонок.

Его Си-24 легко набирал высоту, и легко кувыркался в небе, показывая чудеса воздушной акробатики, и временами мог разогнаться до чудовищных шестисот километров в час, что было возможно только благодаря двум мощным моторам, и цельнометаллической конструкции.

Конструктор этого чуда – боярин Сикорский, всегда наблюдал за полётом своего детища, когда им управлял молодой князь Белоусов, и временами отгонял машину к себе в ангар, чтобы детально обследовать, состояние после полёта, так что обслуживание экспериментальной машины осуществляли не аэродромные техники а специалисты конструкторского бюро, здания которого стояли тут же у края поля, возле цехов Первого Опытного Авиазавода, КБ опытного двигателестроения и Цехов Объединённой Воздухолётной Верфи Константина Циолковского.

К этим трём крупным предприятиям примыкали десятки более мелких фабрик, заводов и мастерских, работавших на подряде, для выполнения крупных заказов. Они временами выкатывали собственные модели летательных аппаратов, которые в дело почти никогда не шли, но были своего рода показателем уровня конструкторов и мастеров.

Николай заправивший полные баки собирался отработать программу высшего пилотажа, когда с земли от руководителя полётов, вдруг поступила команда возвращаться.

Князь чертыхнулся, но развернул самолёт, так как понимал, что случилось что-то экстраординарное.

Он легко притёр быструю машину на лётное поле, и зарулил ближе к ангарам, где уже стоял техник с лесенкой на колёсах.

– Михалыч, что там случилось-то?

– Так они мне и доложили. – Ворчливо ответил старший механик КБ Сикорского под попечительством которого находился самолёт. – Так прям и сказали. Вот мол Михалыч, доложи князю, что остановили полёт по причине, непреодолимых политических разногласий, между думскими фракциями, по вопросу бюджета на флот.

– Ну чего ты ворчишь? – Николай улыбнулся. – Нормально же всё. Машина работает как часы. Даже при обратных выражах, двигатель не сбоят. А тянет вообще как зверь...

– Не по себе мне что-то, Николай Лександрыч. – Механик махнул рукой техникам, чтобы закатывали машину в ангар. – Ежели вас вот так, дёргают, значит случилось чего. А за генералами из Тайной Канцелярии, так просто не бегают.

Глаза механика, сфокусировались куда-то в сторону, и оглянувшись Николай увидел Бенц – Жук, аэродромной охраны, который летел на всех парах к ним.

Зло скрипнув тормозами, осадил ход, и на бетон выскочил поручик в форме Казачьего Гетьманского Полка, и протянул пакет, запечатанный медной печатью с атакующим соколом – гербом Рюриков.

Николай сорвал печать, и глаза сразу выхватили нужное из вязи текста. «Быть немедленно», и положив конверт на капот

машины, надписал на клапане дату время и место вручения, вернул курьеру.

– Вы сейчас обратно, господин поручик?

– Никак нет, господин полковник. – Офицер вытянулся по стойке смирно. – Ещё один адрес.

– Ясно. – Отпустив поручика, Николай, который всё-таки успел пропотеть в тёплом комбезе, на меху, сначала вымылся в душе, переоделся, и в машину сел готовый на все сто. В чистом, идеально сидящем мундире и лёгкой летней шинели введённой в форму одежды ещё предыдущим государем. Слава богу, что отменили обязательное ношение холодного оружия для парадной формы, но если была награда, которая крепилась на рукоять оружия, то на поясе, была обязательная цветная полоса, вот как у Николая, которых у него было целых две. Оранжевая за Георгиевские награды, и алая, за Ленту Рюрика.

Когда машина подъехала к Кремлю, у Боровицких ворот его неожиданно остановили невесть откуда взявшиеся егеря, и тщательно осмотрев документы и саму машину, пропустили на территорию, никак не среагировав на стволы в багажнике, и пистолет-пулемёт закреплённый в салоне.

У Большого Дворца уже стояло с десятков автомоторов, с номерами генштаба, Канцелярии Двора, и прочих интересных учреждений, а их пассажиры толпились в Соколином Зале, обсуждая срочность вызова, и возможные причины.

Большинство склонялось к нападению на южных границах, где вот уже с полгода объявился некий Хабибулла, который сколотил армию из безземельных крестьян и подёнщиков, и успешно грабил всех, кто попадётся под руку. Себя он называл «моджахед», но широкой публике он был известен как «басмач» налётчик.

Была ещё версия с нападением на наши торговые суда, но по здравому размышлению, все сочли, что Европа сейчас не готова к сколь-нибудь серьёзному конфликту. Гранд-флит, как и германский Флот Открытого Моря, самоубились, в морском сражении возле Хельголанда, а наземные армии были потрепаны настолько, что военной ценности не представляли. Россия легко могла бы захватить всю Европу, но ни политического ни экономического смысла в том не было ни на копейку, так что несмотря на истошные крики о российской угрозе, лидеры европейских государств ни в какую агрессию со стороны России не верили.

Генералы, адмиралы, гражданские чиновники высшего ранга, и царедворцы, степенно, как и следовало людям солидным, обсуждали различные варианты, негромко позвякивая орденами и словно тараканы шевеля роскошными длинными усами.

Безусый и безбородый Николай в чёрном полковничьем мундире, выглядел бы среди них белой вороной, если бы не внушительная колодка наград, пояс с Соколиной Лентой, и репутация законченного отморозка, способного отправить

на каторгу даже самого заслуженного человека.

Так что генералы были вежливы, и предельно корректны, ничем не показывая, что полковнику вообще-то не место в собрании высших военных чинов империи.

Однако, глава военной коллегии – князь Брусилов так не думал, и войдя в зал вместе с начальником генштаба Николаем Николаевичем Духониным, бегом поздоровался с генералами, и приятельственно кивнул Николаю.

– Вижу, вас Николай Александрович тоже побеспокоили?

– Так точно, господин генерал армии. – Николай вытянулся и коротко поклонился. По неписанным правилам, он должен был обратиться к Брусилову – «князь», но поскольку титулами они были равны, то Николай выбрал именно обращение по званию.

– Полно, голубчик. Не в карауле. – Ласково пожурил его Брусилов, и оглянулся на Духонина. – Экого молодца упустили. А служил бы у нас, так уже небось старшего лейтенанта получил.

Все присутствующие вежливо посмеялись шутке военного министра.

– А ведь если к нам надумает переходить, то придётся ему генерал-майора давать. Так Николай Николаевич?

– Да, как минимум. – Начальник генштаба не торопясь снял пенсне, и стал протирать его мягкой тряпочкой. – Будет как князь Шувалов, генералом в двадцать пять.

– На всё воля государя. – Дипломатично ушёл от ответа

Николай. – Я ведь и на это место не рвался. Да вот. Никто и спрашивать не стал.

– Государь Всея Руси, император Сергей первый!

Раздался зычный голос церемониймейстера, двери распахнулись, и в зал быстро вошёл Сергей. Император был одет в простой полувойенный френч без знаков различия, и лишь перстень с гербом, вырезанным на крупном рубине, говорил о его статусе.

Пройдя к малому трону, сел и оглядел собравшихся.

– Господа. Хочу сообщить вам пренеприятное. Вчера ночью из палат Феофана был похищен царский посох, что хранился там вместе с облачением Феофана Грозного, мечом и царским венцом.

Дело чести для каждого из вас, найти похищенное и покарать преступника. Старшим по поискам, назначается генерал-лейтенант Белоусов, его заместителями, глава коллегии внутренних дел – тайный советник Хвостов Александр Алексеевич и глава Тайной Канцелярии генерал-лейтенант Орлов Борис Фёдорович. Всем присутствующим приказываю оказывать им всемерное содействие и помощь. Никакое местничество, междудеятельственные дразги и старые обиды не должны быть ни в малейшей степени. Потом сочтётесь, если конечно пожелаете.

В полном молчании, государь покинул залу, а присутствующие словно закружились в кипящем котелке. Образовывались какие-то кружки, парные беседы и прочее, а поскольку

ку Николай в этих разговорах не видел ничего полезного, то развернулся и пошёл к выходу.

Уехать ему не дал хорунжий остановивший князя у самого входа, и потащивший по переходам куда-то вглубь дворца.

Дворцовая канцелярия занимала все два этажа старых казарм, а служба безопасности которой командовал Александр Белоусов, находилась в Большом дворце, а точнее во флигеле, который имел свой двор.

Отец Николая встал, когда зашёл сын, пожал протянутую руку и усадил его, напротив.

– Быстро набери себе команду. Сыскарей, скорохватов, и криминалистов, и для начала обнюхай место преступления. Каждый закоулок, и каждый камешек. Там после тебя будут сыскари из полиции, контрразведки, и даже разведки, но я надеюсь именно на тебя.

– Сделаю. – Николай кивнул.

– И вот тебе. – Александр Денисович, протянул овальный удлинённый жетон из золота с выпуклым соколом мастерски изготовленным ювелиром так, что в глубине глаз птицы поблёскивали алые камни. – Будь именем государя, волей его, и властью.

Будущие сотрудники оперативной группы собирались у бокового крыльца флигеля. Три криминалиста, пара специалистов по криминалитету, и трое боевиков, к которым Николай причислял и себя. Своего заместителя – подполковни-

ка Саитова он оставил «на хозяйстве», лишь чуть ослабив отдел забрав пять человек.

У входа в царскую сокровищницу, стоял караул из казаков и егерей, но Николая пропустили без задержки.

Комната где работал Феофан, была относительно небольшой. Десять на пять метров, с тремя большими окнами, выходившими во внутренний двор. Пол комнаты был устлан коврами, а на стенах висели иконы. Криминалисты сразу взялись за дело осматривая каждый сантиметр пространства, и щёлкая компактными фотоаппаратами, которые только – только стали производить на фабрике Карла Цайса и были закуплены благодаря личным связям Николая в Германии.

Сам посох – массивный жезл длиной полтора метра из черного дерева, украшенный золотой насечкой и драгоценными камнями, имел в навершии огромный алый бриллиант более ста карат весом, ранее стоял в стеклянной пирамиде, возле трона, а рядом находилась витрина ещё одного символа державности – простого стального меча в кожаных ножнах, ныне унесённого в другое хранилище.

Сейчас пирамида, которая закрывалась на небольшой замочек стояла распахнутая, и пустая, но остальные ценности были ворами не тронуты.

Всеми сокровищами и реликвиями Кремля, управлял статский советник Лопехин, который кроме того был ещё и главным архивистом.

Вход в комнату был только один – через многочисленные посты, а окна не открывались уже более двух столетий. Николай лично проверил все створки убедившись, что они накрепко срослись с рамой. Затем тщательно осмотрел вентиляцию, удивившись огромным размерам воздуховода, но тот был забран массивными решётками, покрытыми слоем ржавчины и пыли. Хотя, при желании, по вентиляции мог проникнуть человек вполне обычной комплекции, ничуть не затрудняясь. Но решётка каждый прут которой был толщиной с большой палец, была вмурована в камень и по виду нетронута.

Эксперты возились почти два часа, и ушли только потому, что пришла ещё одна группа, собранная из сыскарей контрразведки и сыскной полиции.

Поскольку все к тому времени устали, Николай повёз всех обедать, и распустил группу на два часа, чтобы после собрать для выработки первоначальных планов.

Но пока занимался разгребанием текущих дел, ему всё не давала покоя мысль, о том, как проник вор или воры в сокровищницу.

Преодолеть десятки постов с длинным и тяжёлым посохом в руках было совершенно нереально, даже если идти в компании начальника караула. Караулы от разных частей, и на ком-то обязательно проколешься. Окна тоже отпадали, потому как массивные задвижки даже ему не удалось сдвинуть с места.

Значит оставалась только вентиляция и какой-нибудь тайный проход. Проход который не смогли найти пять человек отыскавшие немало бандитских ухоронок.

Николай посмотрел на часы, и поскольку отведённые им два часа уже прошли, позвонил в отдел, и попросил привезти членов группы обратно в Кремль.

Люди, только что сделавшие свою работу недоумённо переглядывались, но Николай Спокойно объяснил им причину того, что всю работу нужно сделать заново. К этому времени другие группы уже разошлись, и никто не помешал сотрудникам Белоусова вновь осмотреть место происшествия.

Пока сыскари пытались найти тайный проход, Николай снял шинель и китель, оставшись лишь в рубаше, и подставив себе в качестве лесенки стул поднялся под самый потолок, где чернело отверстие вентиляции.

На первый взгляд решётка была не тронута, как и на второй. Николай даже подёргал её приложив достаточно усилий, но своротить толстые прутья не сумел, лишь испачкав руки в вековой саже.

– Виктор Семенович, а вы здесь фотографировали? – Спросил Николай пожилого усатого криминалиста, который занимался в отделе фотографией.

– А как же, Николай Александрович. – Мужчина кивнул. – И в обычном свете, и в ультрафиолете. И снимочки – вот. – Он кивнул на толстую папку. – Проявили уже да отпечатали по-быстрому.

Виктор Косицкий, сорокалетний высокий и худощавый мужчина с вислыми усами и простыми круглыми очками в медной оправе, распахнул папку и стал быстро листать толстую пачку снимков.

— А вот и они. — Не глядя протянул десяток снимков, которые Николай разложил перед собой на царском столе верером.

— А это что? — Палец полковника ткнул в ясно различимые пятна на фотографии и явную разницу в цвете между боковиной вентиляции и её низом.

— Ну-ка? — Криминалист поднял очки на лоб, и вгляделся в снимок. — А ведь есть что-то. — Он удивлённо перевёл взгляд на Николая. — Определённо есть.

Из машины, стоявшей у входа быстро принесли фотоаппаратуру, стремянку и прочее хозяйство, подключили осветители, и майор Косицкий, тоже снявший пиджак, уставился в видоискатель стационарного фотоаппарата который применялся для съёмки мелких объектов.

— А ведь тут они лезли. — Криминалист удивлённо посмотрел на Николая, и снова сунул голову в дыру. — Не знаю, как, но здесь. — Быстро защёлкал затвор фотоаппарата. — Пролезли, а на обратном ходу сначала краской прошлись, а после натурально пылью всё припорошили. Но цвет всё же разный, и в ультрафиолете это очень заметно. — Рассказывая, он менял объективы, ставил разные светофильтры, и уже сменил третью катушку плёнки. — Первый раз такое вижу.

– Да и грабят царские покои тоже нечасто. – С усмешкой добавил подполковник Саенко, командовавший тремя головорезами, приданными от Тайников.

– А рентген сможем сделать? – Спросил Николай.

– Если разрешите разобрать аппарат, то сможем. – Косицкий уверенно кивнул. – Повозимся конечно, но сделаем. А вы хотите поискать следы механизма? Ну, да. Логично. Если здесь они пролезли, то решётка как-то убирается.

– Так может ну её? – Саенко, шевельнул могучими плечами, и несколько картинно размял пальцы широких, словно у молотобойца ладоней.

– Посмотрим. – Николай кивнул. – Если не сможем разгадать секрет решётки, то скорее всего придётся её ломать.

Ломать не пришлось. Частью по обычным снимкам, частью по рентгеновским, специалисты поняли, как работают замки тайного прохода, и уже ночью, ковырявшийся в старом механизме часовщик Соломон Розенталь, удовлетворённо кивнул глядя на то, как уходят во внешне монолитный камень, прутья решётки.

– Это была отличная работа, Соломон Израилевич. – Николай кивнул старому мастеру. – Я обязательно доложу государю о вашей неоценимой помощи.

– Ну, что, можно уже? – Специально выдернутый для этого дела из Сестрорецкого околотка урядник Гаврилюк, подвижный словно ртуть мужчина ростом с подростка, от из-

бытка чувств пробежался по комнате.

— Да не торопитесь, урядник. — Николай взмахнул рукой. — Видите какую конструкцию нагородили? — Николай кивнул на мостки, стоявшие у стены и удобное кресло которое подняли под потолок, уважая более чем почтенный возраст механика. — Сейчас всё уберут, и полезете. Лучше проверьте снаряжение.

— Та двадесять раз уже проверил! — Гаврилюк махнул рукой, и увидев кулак подполковника Саенко, быстро кивнул. — Есть поверить снаряжение.

Убрав всё что мешало залезть в вентиляцию, посадили урядника, и тот мгновенно скрылся в вентиляции, словно змея.

На всякий случай за ним тащилась верёвка, и наготове был ещё один малорослый офицер, из числа роты охраны Штаба Егерских войск. Был он конечно куда лучше подготовлен чем полицейский, но отличался куда более широкими плечами, и потому остался на подхвате.

Тем временем, ещё две следственные группы не теряли времени даром, приняв на временное содержание государства всех сотрудников Отдела Хранения Кремля, и даже членов их семей, а также занимаясь увлекательным, но не очень результативным делом, тряся остатки московского криминала.

Двадцать минут которые ползал Гаврилюк, показались

Николаю вечностью, и когда тот выпал из дыры воздуховода, его сразу подхватили на руки, но тот, оттолкнув всех, снова нырнул в дыру, и торжествуя вытащил на свет, длинное древко посоха Феофана Грозного но без алого алмаза в на-
вершии.

6

В сыскной работе, главная задача не в том, чтобы найти то, что нужно, а в том, чтобы ненароком не найти то, что не нужно.

Эжен Франсуа Видок

Флот воздушный зародившись буквально на наших глазах, быстро оброс собственными правилами, легендами и даже терминами. Многие заимствовав из флота морского, тем не менее создал и собственное, ни на что не похожее, воздушное братство людей, большая часть жизни которых проходит в небе.

И уже не морские волки, с их просоленными бродами и широкими клёшами, тревожат женские сердца, а подтянутые молодые люди в белоснежной форме Воздухофлота, и красотки – стюардессы, чья ангельская стать заставляет чаще биться сердца пассажиров, даже глубоко почтенных возрастом.

И весь российский воздушный флот, молод, красив, проворен словно белка и всё более и более решительно входит в нашу жизнь. Самолёты и воздухолёты не так комфортабельны, как магистральные поезда, и не могут взять на борт столько же груза, но они куда быстрее, что в наш век телеграфных скоростей, чрезвычайно ценится публикой. Добраться от Нижнего до столицы не за четыре с половиной

часа, а за полтора часа, а от Владивостока до Киева не за девять дней, а за трое суток, не это ли идеал человека, ценящего время? И порой уже встречаются господа, летающие на обед в Киев, а на ужин в Нижний Новгород.

Мариэтта Шагинян специально для Московского Вестника. 12 мая 1924 года

Российская империя, Москва, Генеральный штаб.

— И как же это всё понимать, Георгий Семёнович? — Генерал Духонин был зол, и возбуждённо ходил из угла в угол огромного кабинета поскрипывая сапогами, начищенными до «голубой искры». Только что ему доложили о том, что Белоусов — младший обнаружил посох, пусть и без алого бриллианта, но сама реликвия найдена. И это после того, как он отрядил в распоряжение генерала Сокольского, который командовал внутренней контрразведкой генштаба, своих лучших людей. Головорезов, которым сам чёрт не брат, способных на всё. Генерал клятвенно пообещал ему быстрый результат, и что? — И что, я вас спрашиваю? — Духонин остановился напротив генерала. — Вы арестовали два десятка человек, но так и не смогли получить хоть тень результата. А этот мальчишка...

— Виноват ваше высокопревосходительство, но я дал команду нашим специалистам посмотреть на их технику, так мы даже названий таких не знаем. — Генерал развёл руками. — Мы всё правильно сделали. И людишек взяли каких надо, и

допросы провели правильно, только вот полковник этот, он словно из другого времени. С фотографиями на их языке, со скорохватами, тоже не теряется, да и когда с полицейскими разговаривал, те ему в рот смотрели словно отцу родному. А технику эту... Я сам видел. Привезли её а он самолично распаковал, да разобрал на глазах, как мои люди пулемёт разбирают. Кстати, пулемёт-то тоже его конструкции. Он словно из завтра к нам пришёл.

— Это не он из завтра. — Духонин наконец успокоился и сел. — Он как раз из сегодняшнего дня. Это мы с вами, генерал старые перечеицы. И это значит, что мы должны подтянуться, и заставить себя учиться. А иначе нас молодёжь быстро сожрёт.

Российская империя, Москва, Тайная Канцелярия.

После первого успеха у группы Белоусова началась полоса тишины. Уже перетряхнули всех, кто мог помочь преступникам сбыть краденое, ювелиров и нечистых на руку торговцев. Трясли даже бывших уголовников, картёжников, и вообще антисоциальные элементы, а раскрашенная фотокарточка бриллианта разослана по всем отделениям полиции, пограничной и таможенной службы. Все специальные ведомства империи буквально были в пене, но реликвия словно канула в воду.

Белоусов ко всей этой кутерьме относился спокойно. Как минимум потому, что основная реликвия всё-таки была воз-

вращена, а во вторую очередь, потому что у него в программе стояла защита диплома, и всё что не относилось к этой задаче, было отодвинуто в сторону.

Темой диплома, было управление потоком топлива и воздуха в зависимости от режимов работы двигателей внутреннего сгорания, и поэтому на огромном столе перед ним, стояли разные модели двигателей, карбюраторов, и прочей механики, которые по его заказу изготовили на опытном участке Русской Стали.

Николай всегда старался появляться в Университете в штатском, а точнее в форменном костюме инженера – механика, но в этот раз пришлось надеть парадный мундир со всеми наградами, так как этот пункт был прямо прописан в академических правилах. Об этом ему жёстко сказал декан факультета, который знал где служит Николай. Видимо для каких-то его внутренних интриг нужно было появление студента Белоусова при полном параде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.